

КИЇВСЬКИЙ

МАРШРУТЫ ПОЛТАВСКОЙ ПОЭЗИИ

ЗИГІНА

ІШВЕЙФАБРИКА

ВУЛ. ЛЕНІНГРАДСЬКА

СТАДІОН

ЦЕНТР

ЖОВТНЕВИЙ ПАРК

ПЛ. ТЕАТРАЛЬНА

ПЛ. ІМ ЛЕНІНА

МЕЛЬЗАВОД

ВУЛ. Б. ХМЕЛЬНИЦЬКОГО

ВОКЗАЛ ПІВДЕННИЙ

МАРШРУТ № 1

№ 2

№ 3

№ 4

2011 год

Выражаем благодарность Полтавскому троллейбусному управлению и лично Павлу Богодистому за содействие и помощь в подготовке этой книги.

В сборнике использованы фотографии П. Кекало (из фондов ЦГКФФА Украины им. Г. С. Пшеничного), А. Вильковича, Ялыны.

Въезд.....	4
------------	---

Водители:

Валерий Нутатов.....	6
Дмитрий Бурлака.....	13
Анатолий Волик.....	24
Дима Карелин.....	43
Андрей Гречаник.....	55
Ялина.....	67
Ника Новикова.....	80
Никита Воловод.....	96
Оксана Бурсова.....	105
Юрий Кузнецов.....	111
Олег Таран.....	122
Аху.....	131
Евгения Найчук.....	144
Александр Опанасенко.....	157
Евгения Люба.....	165
Александр Бессонов.....	177
Алена Бессонова.....	185

Въезд

Эта поэтическая компиляция представляет собой весьма вольное собрание стихотворений полтавских авторов написанных в разное время и в разном настроении. Это как уже достаточно известные, реализовавшиеся личности (к примеру, Валерий Нугатов, ныне проживающий в Москве — успешно издающийся поэт и переводчик), так и только начинающие свой творческий путь будущие (надеемся) мастера пера. Есть здесь, к сожалению, и строки, опубликованные посмертно, придающие этой антологии еще больший вес и, пожалуй, даже шарм. Мы не могли спросить разрешения на публикацию произведений у Дмитрия Бурлаки, но мы почему-то уверены в том, что он бы нам не отказал. Да и вообще эта книга начиналась благодаря ему, его творчество объединило нас и придало уверенности в том, что мы задумали благородное дело. Поэтому мы смело посвящаем это издание светлой памяти простого полтавского поэта Димы Бурлаки, который, надеемся, не будет против подобного бумажного соседства с другими, не менее талантливыми, авторами из духовной столицы.

Идея собрать под одной обложкой поэтов-представителей разных субкультур и мировоззрений родилась чуть больше года назад и долго так и оставалась идеей, не имеющей под собой никакого фундамента. Постепенно мы начали собирать материал, предлагать людям, которых практически всех мы знали лично, присылать свои произведения. Все соглашались, но произведения не присылали. Наверное, не верили в успех. Или же просто ленились. Или забывали. Поэты они такие.

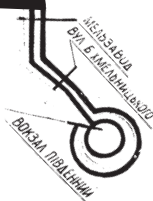
Но мы были настойчивы и напроломны. И вот вы держите в руках результат этого, без преувеличения будет сказано, труда. Судить, хороши ли эти стихи, или же совсем не достойны марания бумаги, конечно же, вам, но они родились и будем надеяться проживут долго и счастливо.

На троллейбусе 7-Б еду я к тебе
На троллейбусе 6-А еду от тебя

Дима Бурлака

Валерий Нугатов

Оливковый Джими Блюз

Оливковый Джими, ты чего ты этого в штанах принёс?
Оливковый Джими, ты чего ты этого в штанах припас?
Оки-доки, масса Флинн,
ттрах-тебя-*dos*,
оки-доки, масса Флинн!
Бреззентовый шуз — всем шузам — хо, масса Флинн!
Слонозубая Китти — господи Исусе — масса Флинн, хо!
Этого тебе, сэр, не ттраханая Алабама, хо!
Этого тебе Новвёхонький Арлеан, ох!
Оки-доки, масса Флинн,
хе-хе, оки-доки, масса Флинн!
Вчерашний день пыль в Мемфасе лизал? лизал.
Вчерашний день Молли в бордельке лизал? лизал.
Ох-ох, масса Флинн,
да ну тебя, масса Флинн!
Оливковый Джими в Чайна-таун оставил свой коренной — хех,
Оливковый Джими в кровяни искупал свой коренной, ох!
отыщитка жимчюжынку — свай коренной, бля,
надщербленный буйвол — почти не буйвол, во!
Но Оливковый Джим, ты чё, в долгу бы, — не-а!
но Оливковый Джим, чё, кольт в лапе не мусолил, да-а?
Оки-доки, масса Флинн,
выкусь-выкусь,
оки-доки, масса Флинн!
В бреззентных штанцах мускулистей мустанг за твой,
в штанцах-штанцах, за твой-за твой сук дрранный, хо!
Трах-тебя-*doch*,
Новновенький Орляян, хух!
И щербатый буйфол тёлу сыщет покрыть, ох.
Олив-хо, Джим-хо,
Оливкохохо,
Олив-хо, Джим-хо,
оки-доки, хохомоё.

Вот вам история о том, как Хуарес утолил свою любовь.

Когда ему шёл двадцать первый год,
чёрный мёд лоснился на скулах его,
и чёрный волос вился по затылку и в ложбинке груди.
Когда он жевал раздувшимися губами тростинку,
мутную каплей слюна текла по его кадыку,
и женщины замирали от влажного жара,
ударявшего им в опалённые ноги.
Когда он шёл в полдень по песчаной террасе
вдоль сонного белоснежного здания мэрии,
в щелях домов просыпались термиты
и коровы лёжа мочились от напряженья.
И когда он слегка подымал от земли свои чёрные веки
и тонкими полумесяцами мелькали белки его глаз,
верхушки вязов кренились и листва жестоко хлестала по вековым
стволам.

И вот вам история того, как Хуарес утолил свою любовь.

Не было женщины, которой бы он не плюнул в глаза после того, как
взял её.
Ибо не было женщины, которая бы не обманула его в ту минуту, когда
он брал её.
И не было женщины, которая не желала бы страстно не обмануть его
в ту минуту, когда он брал её.
Но всегда и все женщины лишь воровали его
и ничего не давали взамен.
И что же, вы думаете, сделал Хуарес, чтоб утолить свою любовь?
Вы думаете, силой взял трёхлетнюю девочку, наслаждаясь её
беспомощной правдой?
Или же соблазнил младшую дочку мэра, красавицу из красавиц?
Или, быть может, в отчаянии воззрится на яловую телушку?
Нет и нет, вы все ошибётесь, если решите, что он так поступил, ибо вы
не знали Хуареса.
А поступил он совсем не так.

И вот вам история того, как Хуарес утолил свою любовь.

Он не стал портить маленькой нежной девочки ради своей ненасытной
любви
и не позарился на младшую дочку мэра, красавицу из красавиц, благо

самцов у неё хватало,
и не совершил греха перед землею и небом, сочетавшись с яловой
телушкой.

Нет, Хуарес не стал этого делать.

Он просто схватил мачете и отрубил себе то, что не давало ему покоя и
чего он никак не мог утолить,

и с животом, залитым чёрной медвяною кровью,
пригвоздил своего мускулистого бога к большому кресту
и пал на колени и творил молитвы до тех пор,
пока весь не истёк черной медвяною кровью.

И когда поутру пастухи нашли остывающий труп,
то увидали блаженную улыбку на побелевших губах мертвеца,
и тогда они поняли, что боги призрели на жертву,
а Хуарес утолил свою любовь.

И похоронили Хуареса отдельно,
а бога — отдельно.

Вот вам история Хуареса, а вы все подите прочь.

The Beat

Когда ты поёшь, Джин, я не знаю, Джин, что-то и где-то
находит точку опоры, нет, Джин, я вру, какую там точку,
всё на хер слетает куда-то, понимаешь, Джин, *на хер*?
Если б я мог объяснить, не словами, фигурами,
я не знаю, ромбами там, треугольниками, кружками,
какой-то абстрактной белибердой, но и это не то всё,
Джин, не то, всё, что я говорю и рисую, не то,
ты же видишь сама, когда ты стоишь, Джин,
вполоборота и касаешься горловиной жёлтого свитера
облезлой побелки, нет, наклоняешься, нет, садишься на корточки,
смахиваешь пурпурный пепел с коврика, я,
я зеленею, Джин, я не верю, Джин, что такое бывает,
я не верил в такое и не верю поныне, это не вера,
это мука, ты же видишь, Джин, когда ты поёшь, Джин,
я вижу, что ты это видишь, ты видишь, что
я вижу, что ты видишь это, тебе виднее, чем мне,
я вижу, Джин, вижу, но не понимаю, не могу объяснить.
Я боюсь умереть, не поняв до конца, что ты видишь,
когда ты поёшь, Джин, в себе, и вокруг, и во мне,
когда ты сдуваешь с коленки, нет, с коврика, нет, жмёшь мне руку,
уходишь, ложишься, просишь меня, сосёшь, надеваешь трусики, Джин,
что ты делаешь, Джин, я уже не могу отделить одно от другого,
когда ты блюёшь, Джин, на заре, с причала, и чайки орут, ты поёшь,
Джин,
но когда ты поёшь или ешь, я не могу ни есть, ни молчать,
я бормочу без остановки, не отрывая взгляд
от своих перепутанных мыслей, я глохну, когда ты берёшь эти ноты,
выше уже нельзя, Джин, ты же знаешь, нельзя, Джин,
что ты делаешь, Джин, ты хотела просто попеть,
я сейчас сдохну, заткнись, Джин, Джин, пой,
я не слышу тебя, не молчи, да сними этот свитер, Джин,
громче, в самое ухо, все шестерни ахнули разом,
только не останавливайся, пожалуйста, Джин,
ближайшие несколько эр, прошу тебя, Джин,
ближайшие несколько дней, Джин, несколько вздохов,
ори, Джин, ори тихо, чтобы слышал лишь я один,
когда ты поёшь, Джин, когда ты поёшь вот так, века напролёт,
когда ты поёшь, Джин, поёшь, когда, я чувствую,
всё, всё уже на своих местах, Джин, когда...

Я надеваю розовый пиджак
И с зеркала сдуваю паутинку,
Я слушаю возню на этажах
Под скрип побитой, траурной пластинки.
Здесь девочек, как блох, клопов и мух,
И ни одной ни к чёрту я не нужен:
Я только дух, зловердный льстивый дух,
Я плохо выпался и третий день простужен.
Мне не хватает, чтоб плевать, слюны,
Говна, чтоб срать на всё, мне не хватает —
Подонкам остаются только сны,
Мечты и мастурбация святая!
Жизнь — вечный кайф, и смерть нам только снится,
И я — красивый и нелюбопытный пёс;
Моя мечта, мой идеал — больница
В саду больших, затоптанных штокроз.
Там бродят нимфы в трусиках из тюля,
Бог знает что друг дружке говорят
И умирают по одной в июле,
А в августе и в мае — все подряд.
А я целую тёпленькие кости,
Сладчайший тазобедренный сустав
И локоны сжимаю в потной горсти
И рассыпаю медленно с моста.
Я величав, я царь царей земных,
Прилюдно обнаживший синий фаллос;
Мои глаза огромны и ясны —
В них ничего буквально не осталось!

Октябрь

Я прохожу по улицам родного
и гнуснейшего города; основа
моих перемещений мной воспета,
не помню, где, но, вероятно, где-то
в одной из алкогольных пасторалей,
которую вы у меня украли,
нагие листья цвета брэнной плоти,
хоть я не верю, что вы тоже пьёте,
по крайней мере, что — со мной, но вижу:
чем ближе вы к земле, тем губы ближе
к промозглому причастию портвейна,
отчётливее контуры теней на
сухой сверкающей стене, и мимо
я шествую с повадкой нелюдима.

По сути дела, город выбран мною
самим между Пекина и Ханоя
как среднее языковое гетто,
любезное земной душе поэта
(идущего сейчас неторопливо
по дёрну, чуть петляя, для отлива
во мраке ароматного галльона),
такой же пьяной и такой же юной,
какою остаётся, невзирая
на бортовую качку, отмеряя
труды и дни построчно и пограммно,
и склянки бьют, и старая программа
просчитана до мелочей; нет, право,
мсьё, ваше пойло — сущая отравка,
но кто сказал, что мы боимся яда?
И я, срыгнув, вхожу под своды сада,
ободранного нудным курошипом,
и этот сад, и этот вход просчитан
с не меньшей точностью, чем этот выход,
а в городе моём светло и тихо
и холодно, и шторм уже крепчает,
хотя его никто не замечает.

Что, распростёршись на проезжей части,
я прошепчу водителю о счастье,
когда он свесится, переезжая
меня, в окошко, я ещё не знаю,
но, судя по крови моей хотя бы,
наверно: *Как ты добр, октябрь, октябрь!*

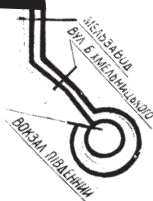

Дмитрий Бурлака

(1973–2003)

* * *

Играя в прятки с головой,
Ты смерти наступал на пятки.
Гуляет ветер. Боже мой,
Как сладки редкие припадки,
Когда ты знаешь, что — любовь,
Когда отгаданы загадки,
Когда ты каждый и любой,
Однажды виденный тобой
Во временном (ином?) порядке...
Поди теперь тебя найди,
Найди себя, меня, кого-то
Ты Один или ты один?
Пусти-ка в гости за ворота
В дворец где ты и только ты,
В покои света, простоты,
В центр управления полётом...
А что потом? Наверно, что-то...

1997

* * *

Вот эта станция,
Где море
И лето
Можжевельник
Крым
Заливы солнечного света
На валуне
С тобой
Сидим
Глядим, как море
В нежной дрёме
Зальёт оранжевый закат
Как миллиард веков назад
Звезда. Глаза.
Молчанье. Двое.
Прикосновенье.
Небеса.

1998

* * *

Заходи ко мне с подругой,
как обычно сядем кругом,
полетаем и поплачем,
пропадаем — не иначе.
Значит так всё сопричастно
сопечально, собутыльно.
Заходи ко мне почаще,
но не сильно...

1997

* * *

Птицы и кошки делят селение
В солнечных улочках гам и возня
Слизкий окурок полетел из строения
сквозь форточку. К воробьям.

Солнечный полдник. Кефир и печенье.
Бабочка-лезвие. Чёткость границ.
Блестки-пылинки на угощение
мимо мелькающих спиц

Ленивое эхо шуршащей крыши.
Куда-то за Ворсклу, наверное, да?
И пробегает мальчишки,
ласточки на проводах

Блеск. И я с жестяною,
как у цыганки зуб золотой,
Сытый иду за приманкою —
серым кузнечиком — на луг заливной

1997

* * *

лукавых дней невольник
залатанный цветом маков
серебрёный треугольник
тянул на себя и плакал
полтава в тебе утонет
с улиц прогнав всякого
догонит и за сердце тронет
вот и нагонишь всякого

1996

* * *

Что утро — утрата
Что вечер — комета
По ленте асфальта,
где, может быть, летом
бугры от растущей травы
и небо из блёсток
и я, как напёрсток,
качусь от снующей иглы.

Во имя весны я гуляю по лужам,
улыбкой февральской звеня,
огромной ладонью я собран и дружен
с другими друзьями огня.

За пазухой паз для волшебной пружины,
за ухом фанфурик вина
Серебряным пальцем порвав паутину,
как дурик, иду улыбаться машинам,
Куда? Догадайся сама.

1996

* * *

лбом в стекло
поделом
кошкин дом
рассвело
за окном
за душой
хоть шаром
хорошо!

1997

* * *

меня за уздечку
водит луна
с песней кузнечика,
с песней слона
на чёрную речку
острой травой
сорное семечко
кровью умой
вытяни розу из вен
насовсем
выгляни Боже
всем, кто не нем
дай направление,
дай маячок
в рай не лечение,
на месяцок

1996

* * *

Морозное небо.
Дрожащие звёзды.
Втянув кулаки в рукава,
Мимо Лицея. Через Берёзовый.
Дома — часа через два.
Сказано — сделано.
Медленно... Медленно...
Банку ногою в кусты.
Сказочно. Радостно.
Молодо. Зелено.
Странно, что это ты
Топнул ногою —
Звёзды посыпались.
Сунул за пазуху —
сердце прожёл.
Маленький мой,
Лучше не рыпаться,
Чтоб не обиделся Бог

1997

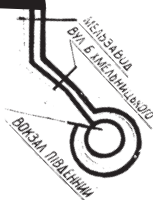
* * *

Сон лета растолкал норд-ветер своенравный
Над городом разбился жёлтый листолёт,
Вот-вот и будет лёд, вода и мост на равных...
Божественный оскал движения вперёд —
Троллейбус громыхал по улице заглавной
Кого-то увозя по выбранным местам,
И облаком над ним я вспоминал о славной
и милой запятой в сознании тебя...
Любил, смотрел, рыдал — всё было как в романе
для бабушек, и мам, и нянек молодых.
Я этот странный стих оставлю в жёлтой раме,
чтобы потом забыть в диване дней моих

1996

Анатолий Волик

М.М.С.М.

Котельві

моє маленьке
сільськогосподарське місто
розкинулось немов намисто
десь там

там, там, там, там

лунає,
до себе обрій пригортає
мов немовля ссе з небокраю
там десь

десь, десь, десь, десь

ти файна
пісня серпневого комбайна
у колосі застигла тайна
бринить

кожна мить

в моє далеке
аграрне місто мчать лелеки
наздоганяє вітер спеку
і знов

про любов...

23.11.1999

(на «телефоні довіри»)

Жара в Санжарах

Жара в Санжарах
Жалит загаром
Голову жарит
Разит перегаром
Воду зажала
Жара в Санжарах
Жену зажимаю
Чужую. Жарю

Жизнь зажевало
Жгутом пережало
Жажда жуком
В животе зажужжала
Переживаю
За сторожа Рая...
Жиром стекая,
Желания тают

Жара в Санжарах
Бабы по барам
В тишине разбрелися
И заебися...
Господа жалко:
Ганджи-санжарки
Ему задую
Пусть пошизует...
Жара в Санжарах
Плющит на шару
Всё, что сюда
Поприезжало.
В Санжарах
Ты от жары дрожала
Я рядом лежал
И ржал...

экскурсия по полтаве

экскурсия по полтаве
для той, которую очень:
хрестовоздвиженский храм
дубас на дублянщине ночью

вдоль ворсклы по диким пляжам
танцы на земснаряде
в гостях у девочки саши
потом у какого-то дяди

институтская горка
со стороны интерната
без закуски перцовка
в зарослях перечной мяты

могила поэта бурлаки
мастерская гапона
фаллический символ в парке
беготня по газонам

жирный сквот в самом центре
(артучилище в прошлом)
прогулка по крыше в метре
от края (оказалось несложно)

родник из слёз чураивны
заросшее певчье поле
гуня стреляющий гривну,
флейтист и его брат коля

место полтавской битвы
редуты возле дурдома
во время вечерней молитвы
раскаты июньского грома

вот твой поезд на киев
вагон из купейных ниш
твоя нижняя обессилев
ты падаешь и говоришь

«я так прекрасно устала»
и кто-то во мне сказал:
«Это только Пол-тава,
представляешь, какой целый Тава!»

27.05.2005
Полтава

Город

А мне достался старенький город
С окошками-брошками
Фонарными мошками
Чёрными через дорогу кошками...
Ложками
 не стучат, а дорожат, когда голод

Ко мне приходят, я не скрываю,
Соседям говорю, что всех знаю,
Конечно же, мы начинаем с чая.
То, что за чаем — не разглашаем,
В нашем городе любят сплетни,
Особенно если они попоследней,
«А тут к нему заходил намедни
Один пидарас из кафе «Апулаз»

Я привык. Просто выпал мне этот город
С тропинок морщинками
Бомжами, блондинками,
переводчиками Метерлинка*
Глубинка
 имеет центр. Центр не скоро.

Зато в центре действует символ фаллический
В честь победы над силой нечистой нордической
Нынче с подсветками электрическими,
Ассоциациями порно-лирическими...
В Полтаве я пребываю в покое,
С собою ношу всё свое и чужое
Тусуюсь преимущественно с героями,
И сам герой сплошной мировой...

... Ко мне прибился маленький город
С беседками, метками
на столбах. Соседка
строит глазки и метко
Как в розетку
 в меня входит вдох: «Я не молод»

24.07.2001

*имеется в виду В. Нугатов

drugая Полтава

(экскурсия по Полтаве-2)

на Браилках
ты выходишь курить на балкон
в колонках
Ангус и Джулия Стоун
в глазах
туманное, серо-сырое
как будто
ты не кто-то, а что-то такое

о чем пишет Маркес —
о том, что свет — как вода
и урны в парке
для осенней воды — посуда
люди поплыли
по страницам промокнувшей прозы
зонты раскрыли —
крылья для птицы-осень

на Алмазном
от дождя забившись в подъезд
грязный
пенсионервный тест
проходишь
игнорируя крики с лестницы:
«Шляются здесь,
а потом после вас шприцы!»

зачем этот цирк
афишей на железных дверях?
играет «Бутырка»:
какая осень в лагерях
раньше бы на хуй послал,
но сейчас под дождем-наркозом
подпеваешь
ничего не поделаешь
осень.

на Подоле
на площади
напротив таможни
мысли застряли

где-то между нельзя и можно
и склоняя выбор
в пользу того, что нельзя
ищешь в мобильном
номер барыги Ферзя

по ком звонит колокол?
по родному тебе
для кого кока-кола?
для свободных людей
– почему нынче опиум для народа?
– куб — тридцать восемь
– беру два.
самое время
осень.

на Леваде
в посадке,
где по Ворскле межа
(Климовка — уже Азия,
потому что Европа кончается в гаражах
на улице Головка)
ты находишь укромную нычку
приходишь в себя
(в смысле — ловишь приход)
и — отлично!

о чем поет Летов —
что наша родина — смерть
смотришь на это
и нечего больше хотеть —
этот мир
(он к тому же еще и гриппозен)
утомил,
но вместил
и тебя
и меня
и осень.

01.11.09
Браилки

турбомех

(блюз с поправками)

павленковский парк жарк
(не жарк, а жарок,
но это все равно не подарок)
у нас встреча здесь в шесть
(не в шесть, а в пять,
но все равно тебя лишний час ждать)

а пока я жду
я смотрю как дети курят траву
и как их хриплый смех
вплетается в турбомех

я пил за сбычу мечт
(не мечт, а мечты),
и вот мечта рядом — это ты
на ходу пьешь портвейн
и шипишь:
«Валим отсюда скорей!»

я говорю: *«Давай тут,
здесь лавочка, урна и уют»*
ты говоришь: *«Уют — грех!
Пошли за турбомех!»*

с завода прёт стадо мужчин
(и сразу за водкой —
вот это жизнь!)
на лицах у них труд,
за который
зарплату не дают

но нам важен концепт
а не продукт и успех
мы пробуем новый рецепт
портвейн плюс турбомех

в павленковском — гопота
(не гопота, а фанаты
«Бумера» и «Бригады»)
завод их не прёт
они идут мимо
в торговый центр «Киев»

пухнут от жары тополя
мы смотрим на пух снизу вверх
и говорим вместе: *бля,*
пух как турбомех

звонит телефон: умер друг
жизнь превращает всех
в турбопрах, турбопух
и турбомех

8–10.04.2010
Ирпень – Полтава

* * *

опустился туман в бурьян
потерлась монета лета
где-то там

 в бурьяне
стоит осень в туман одета

не на дни уже — на часы
идет счет и насчет вчерашней
осы —

 уже не жужжит
вместо нее трактор в пашне

опустился отчет в блокнот:
Глинск, Млынки, Котельва, Гавронцы
обнаружил:

 в Гавронцах живет
рифма со словом солнце

не уйти уже и не войти
в этот мир и из этого мира
только ветер и только пыль
только память и только сырость

очутился я здесь с тобой
нерешительной, юной, летней
как цветок

 опыленный пчелой
разродился стихом последним

о тебе,
о Котельве,
о Млынках,
о Гавронцах,
о солнце
об осе,

 о росе в бурьяне —
обо всем, что уже не вернется

16.09.2009

на родительском собрании в гимназии № 31

Из полевого дневника

(Солдаты Пустоты)

Есть солдаты, которые не стреляют,
разве только курить (это — да, это — свято)
Их работа — пехота. Они гуляют
пешком по полям. В одиночку. Так надо.

Взгляды — их автоматы. В карманах — блокноты,
где ведутся записи полевые,
например такая (из-под села Глоды,
публикуется, ясное дело, впервые):

«В поле видно края,
и понятно солдату
без слов, где проходит линия фронта:
Пустота существует
в форме квадрата,
стороны которого — горизонты»

~ 2002

вечернее образование

вечер
на околице
европейской
провинции
высоковольтный треск
над зарослями
амброзии
на место преступления
вместо милиции
прибыла
осень

внезапным дуновением
с берега Ворсклы
тополиным шелестом
криком птицы
промозглым
по серо-белому мозга
непониманием
как же могло случиться
именно это,
а не что-то другое
именно так,
а не как-то иначе
словно болезнь, у которой
осенний путь передачи
с необратимым исходом
вечер...
натворить такое,
что уму непостижимо
пусть поэты будущего это опишут
им легче,
а мы куширями
огородами
убежим

уйдём от ответственности,
как не раз уже уходили,
сделаем хорошую мину
при игре в плохое:
то, что запрещали родители,
мы растили,

теперь собираем,
и не понимаем
как же такое
могло случиться...

чтобы именно так,
а не как-то иначе,
чтобы именно это,
а не что-то другое
жили-были девочка
и её друг мальчик
никак не рассчитывали
ни в герои, ни в антигерои
попасть,
но почему оказались
здесь
на окраине европейской
провинции

– я просто так,
от нечего делать, а ты?
– а я из принципа...

2006
г. Полтава
Подол

в память о гастрономах
точнее о наливайках:
угол Фрунзе – Октябрьская
там, где сейчас «Оболонь»
был магазин налево
направо — столики-стойки
с витражами витрина
такой немецкий уют
стакан портвейна и пара
сосисок — обычное дело
для этого заведения
особенно если с утра

еще подавали сосиски
там, где торчит «Палаццо»
был первый этаж — кафешка
«Полтавські галúшки» — второй
на третьем была ресторация
«Січ» она называлась
но я там ни разу не был
хотя в туалет ходил

«Гоголевский». Не гламурный,
который возле театра,
а тот, который напротив
дома, где Билибонс
прямо у входа прилавок
две стойки и на манеже
всё те же в руках всё то же —
портвейн и «Дружба» сырок

напротив белого дома
в сталинке где сейчас ессо
роскошная наливайка
с выбором пей не хочу
там тусовались партийцы —
бывшая номенклатура,
которую уже не пускают
в административный буфет
и вот они наливают,
бухают и вспоминают
как работали в белом доме

как партия — наш рулевой
вела их по коридорам
в обеденных перерывах
в буфет, где за рубль двадцать
коньяк арарат, бутерброд
с икрой, красной как знамя
великой страны советов
теперь страну проебали
а всё демократы, блядь!

а вот стратегический угол —
Лидова – Красноармейская –
Пушкина, где находится
«Промэлектроника», там
был гастроном с наливайкой
(а рядом — тюрьма, ментовка
тузы и другая элита
в девятиэтажке живет)
прохлада полов гранитных
с потолка как живые свисают
вентиляторы трёхлопастные
и вращаются не спеша
и не спеша струятся
разговоры о перестройке
и что при сухом законе
на разливе стоял стукач

на «Фонаре» за «Хвилинкой»
в хлебном была наливайка,
и хотя она не выдерживала
конкуренции с «Холодком»
но там можно было встретить
стайку митців у которых
на «Холодок» не хватает,
а в хлебном дадут в кредит

буфетчица там очень злилась,
если ей не строили глазки
и не говорили пошлые
комплименты, тогда она
нарочно недоливала,
хамила и разбавляла
и без того разбавленную
водку и чай — в коньяк

(вспомнилась одна тема
для этого надо вернуться
на Гоголя, но не в наливайку,
а в забегаловку «Бар»,
теперь там рецепшн «Палаццо»
а раньше тёмное место
интимное до фригидности
но лучше и не найти
мы там с Котом бухали
знатный врач-гинеколог,
в то время был просто медбратом
в санатории, как и я
обычно мы с ним начинали
в «Галёшках» (по восемь пива —
«Славянское» или «Ячменный
колос»), потом шли в «Бар»
я никогда не видел
посетителей в этом баре
только испитая леди
в возрасте Тэтчер. Она
бухала всегда в одиночестве
иногда вдвоем с продавщицей,
классически напиваясь
до отключки и в этот раз
мы с Котом обнаружили тело
тело жалось к стене и икало
и к себе Кота подзывало
и шептало на ухо ему:
«отведите меня на Карла
Маркса» и дом называло
«...я живу там и я за это
дам вам денег купонов 500»

кошелек достала из сумки
весь набит капустой цифрастой
и тут Кот говорит мне: «спиздим
и пропьем — там лимонов пять»
и ведем мы ее дворами
сердце бьётся по-хулигански
время смутное — рэкетеры,
иномарки б/у везде,
«стюардесса по имени Жанна» —
хит сезона и Листьев с Тальковым
еще живы, но последние песни
ими спеты уже... Аминь.

и тут женщина начинает
нам рассказывать историю жизни
будто знает, что нас учили
собирать анамнез. Она
оказалась вдовой горемычной,
что не вынесла смерти мужа,
директора большого завода,
покончившего с собой,
под давлением рэкетиров
под прожектором перестройки,
а потом ее сына убили
в Варшаве... и утром к ней
снова придут эти мысли
про сына и мужа, про то, что
когда-то у них все было
и кое-что еще есть
и она возьмет, что осталось
понесет утром в скупку к цыганам,
«кстати, не желают ли мальчики,
видак панасоник? с утра
я опять буду в этом баре
встретимся договоримся
о цене, чем нести цыганам,
лучше вам панасоник продам...»

и сжалились два медбрата,
растроганные рассказом
не стали пиздить капусту
умножать несчастье вдовы,
довели до самого дома
и даже денег не взяли
лишь угрызения совести
еще долго сверлили нутро)

наливайка напротив цума
в угловом магазине в доме,
где по слухам стоял когда-то
кинотеатр «Колизей»
чего *там* потом только не было
офисно-бесполезного —
все эти обменные пункты,
банки, мтс, киевстар
а когда там была наливайка
аппендиксом к гастроному

в ней появился первый
загадочный банкомат
он долго стоял не подключенным
мы возле него бухали,
и гадали, что *это* за робот
на хуя он пришел в этот мир?

мой друг — певец «Онейроида»
(тогда уже был «Онейроид»)
сказал: «ясно вижу — в будущем
решает все эта щель,
кто в эту щель подключится,
у того все и получится
а кто не подключится, будет
в прошлом как мы сейчас...»

сейчас мы суем свои карточки
в эту щель банкомат(ер)ную
она выдает нам бабки
как правило ни за что
главное завести карточку
знать код и иметь любовницей
какую-нибудь бухгалтершу —
нехитрый секрет бытия

еще одна гастрономия
знатная наливанием
была в пятиэтажке
на Луночке, где на углу
старинная «Фотография» —
одно из немногих зданий,
вывеска на котором
времен СССР
бухали там люди олдовые
отягощенные пенсией
а молодежь тусовалась
на «Инее»,
на той стороне

сначала на наливайки
наехало кабацкое лобби
мол, генофонд разрушается
культура народа мрёт —
никто в рестораны не ходит

владимирский централ не заказывает
а надо чтобы ходили
ресторанное мяли меню

второй удар по гастрономам
нанесли супермаркеты, въехав
блестящими своими тележками
в патриархальный быт
добили их пластик-менеджеры,
агенты попсовой недвижимости,
скупив гастрономы как площади
под офисы разной хуйни

и вот наливайки закрылись
местная власть за трезвость
поэтому все бухают
на улицах и на ходу
благо, что это Полтава
бухать здесь всегда приятно
не важно какую синьку
в каком месте,
каком году

P.S. не важно с какой посуды
что где когда
и с кем

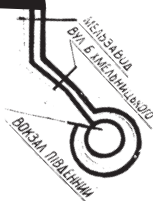
13–15.11.2007

г. Полтава,
кв-ра на Хорольском;
у Мацевича на Калинина

Дима Карелин

Варшава

на привокзальной столкнулись вагоны
проводники расчехлили баяны
вдруг тут и там замелькали погоны
лишь бы успеть заштопать все раны
раз и споткнулся на правую ногу
два и забыл кошелек в магазине
три и пора собираться в дорогу
а на четыре — весь в меновазине
смотрит с портрета косая Джоконда
бережно с рамы сдвигать паутину
дети резвятся в районах Гонконга
а я дороги кладу на равнину
вдох — и приподняты белые флаги
выдох — и вновь заалели знамена
есть еще капли на донышке фляги
значит все будет непревзойденно!
в голой землянке мерцает гирлянда
тихо колотится кружка без чая
под потолком высыхает лаванда
все еще хочешь быть вместе, родная?
винт закрутил до упора все гайки
стул покосился не выдержав веса
молча опасность почуяли чайки
и маршем направились в сторону леса

Нервы

венчать, разводить мосты
крепчает мороз — простыл
кричать, разбивать часы
ненужный ловить посыл
почти не хватает сил
я видимо зря просил
колени протер до дыр
мамаша, стирай мундир!
на славу отвоевал
в облаву мороз крепчал
старик что-то осерчал
сорняк из трубы торчал
привык? Начинай с начал!
старик причитал, ворчал
за домом следы зверей
сидит в волосах репей
да так, что не оторвать
пришлось лоскуты срезать
да что с них, ни дать ни взять!
к заутрене опоздать
и кошкой вскочить на печь
февраль головою с плеч
тебя мне не уберечь
над лесом звенит картечь
под утро засыпал снег

Двенадцать секунд до восхода солнца

нас обвенчали кольцом садовым
нас расписали ножом в подъезде
чайкам привет передайте портовым
шипя отбывает наш поезд на Дрезден

рукосплетеньем встречать рассветы
каплями воска бить татуировки
в поту просыпаться и думать где ты
копья Амура так быстры и ловки

свесившись вниз, головою в небо
крыши считать и взрывать вагоны
выйти в аптеку, купить плацебо
и до утра продолжать перегоны

вечером голос звучит в ре-миноре
заревом плавится провод жаркий
стать одним целым в соленом море
и раствориться в безлюдном парке

вместо детей завести котенка
грудью кормить и катать в коляске
поочередно менять пеленки
поочередно ходить на пляски

в 8 ноль-ноль щекотать за пятку
в ночь улыбнуться глазам закрытым
вниз по ступеням на физзарядку
и босиком по траншеям рытым

головоломку дарить друг другу
перешагнуть через паутину
на резвом трамвае катать по кругу
и до утра то на живот, то на спину

Париж

железнодорожные линии парижских вокзалов
соединяют наши с тобою судьбы
в хорошо налаженную транспортную развязку

циферблаты уже давно за полночь
я держу тебя за руку
мы летим над манящим простором Булонского леса
а позади шуршат пшеницей Елисейские поля

ты смотришь на меня своими ивовыми глазами
и я читаю в них «Маленького принца» Сент-Экзюпери
жадно
страница за страницей

холодные берега Сены убаюкивают нас напевая «Марсельезу»
твои волнующие волосы вяжут макраме
а улыбка обещает безоблачную погоду на несколько лет вперед

— oh, Paris mon amour... —
прошепчешь ты глядя на меня

я проведу пальцем по твоим смешно дрожащим губам
и исчезну в предрассветной дымке
напоследок станцевав с тобою канкан
на перекрестке улиц Абревуар и Жерардон

Джаз

пока старый джаз шипит на кухне
мы занимаемся сексом в прихожей
мне плевать если это на что-то похоже
главное чтобы глаза твои не потухли

Запlachка

будь моей Лилей Брик
так чтобы волка крик
слышен был на весь лес
а потом взял и поник
будь моей Лилей Брик

будь моей Зиной Райх
жить чтобы было в кайф
водку со мною пей
натюрлих на айн-цвайн-драйх
будь моей Зиной Райх

будь моей Шимановской Це
страх на твоём лице
будит меня по утрам
наверное все дело в шприце
будь моей Шимановской Це

будь моей Кэролайн Лэм
чтобы забыть совсем
выбросить из головы
кто я такой и зачем
будь моей Кэролайн Лэм

ах будь моей Анной Керн
я буду как гордый Жуль-Верн
путешествовать к центру земли
а что ты мне дашь взамен?
ах будь моей Анной Керн!

будь моей Джин Армур
и пусть наш с тобой амур
не будет иметь конца
лишь тихо дрожит абажур
о будь моей Джин Армур

ты будь моей Джорджи Хайд-Лиз
роди мне детей на бис
я буду стоять и петь
исполню любой твой каприз
лишь будь моей Джорджи Хайд-Лиз

будь моей Русаковой Эстер
чтобы для всех наш пример
был запрещенным па
в тебе сотни йоттаампер
будь моей Русаковой Эстер

тогда будешь здесь и ты

NM

открой эту книгу на странице сто пятьдесят пять
отсчитай седьмую строку сверху
и ты прочтешь:
«словно мост мы сомкнули руки с тобою»

Аполлинер знал о любви все
и у меня нет причин сомневаться в том
что наше с тобою счастье
совет гнездо на этом высоком буке
ветви которого будут петь на ветру
еще три столетия кряду

СПб

давай разукрасим белые ночи
а утром невой похмелимся устало
ты можешь взять меня если захочешь
в районе витебского вокзала

Вместе лесом

по лицу подлецу
разукрасить глаза
приподнять и опять
потерять тормоза

закатить рукава
накатить по одной
зашуршала листва
отдежурил конвой

над рекой звездопад
под луной горит лес
ты поешь невпопад
ожидая чудес

я закрою глаза
я представлю апрель
покатилась слеза
ее сдула метель

эй, бежим на восток!
там нас ждет караван
оторвал лепесток
и попался в капкан

закричал, завопил
отдышался, устал
извини, нет уж сил
обманул, не догнал

дальше будешь одна
берегись, не спеши
вот тебе два зерна
их в ладонях суши

в лес густой не ходи
держи путь по краям
а увидишь - беги
по полям, по полям

ночь густая звенит
лес обнял и укрыл
зарыдала навзрыд
истуканом застыл

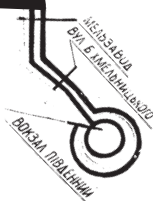
Море

колесо обозрения
покатилось полем
мне так полезно для зрения
море

Андрей Гречаник

Аннушка

То, чего не было, назовут сказкой
С очень простым сюжетом, но не простой развязкой
То, чего не будет, не подлежит огласке,
Аня меня убьёт, Аня прольёт масло

То, чего не было, будет когда-нибудь,
В маленьком городе кто-то не сможет уснуть.
Выйдет на улицу, врача будет ждать — напрасно,
У маленькой Аннушки хватит на всех масла

Может, когда-нибудь, то, что давным-давно
Билось за пазухой — разобьёт окно
И то, чего не было, обретёт краски,
Но Аннушка, как всегда, дура, прольёт масло...

В царстве заоблачном

Ждите меня, степь вольная
Города пустынные
Реки глубокие
Ночи длинные
Отвар липовый
Сто грамм медовые
Сестры родные
Братья кровные
В царстве заоблачном
Ждите меня к полночи

Ждите меня, ножи острые
Тулупы овчинные
Иноки босые
Погреба винные
Дорога дальняя
Любовь-блудница
Замки хрустальные
Марфа-заступница
В царстве заоблачном
Ждите меня к полночи

Чарами осени
Холодом истинным
В окна к вам лечу
Метким выстрелом
Двери отопру
Свет зажгу в горнице
В царстве заоблачном
Ждите меня к полночи

Дороги

Дороги мои, дороги,
Как в очи слепому свет,
Где я обивал пороги,
Следы заметал рассвет.

Молитвы мои, молитвы,
Как волку да ночью в лес,
Устал крестить лоб разбитый,
Грудь слабую, кованный крест.

Иконы мои, иконы,
Как шаг от любви до плахи,
Вот низкие вам поклоны,
Вот воск на расшитой рубахе

Дороги мои, дороги,
Где с милой встречал рассвет,
За пазухою у Бога
Дороги меняют цвет.

Таблетки

Ночью выпадет снег и на мой подоконник
Сядет птица, а я ей открою окно
Прошепчу заклинание и в замерзшей ладони
Протяну крохи хлеба и истины горькой зерно

Птица скажет: «Прощай, узник каменной клетки»
Вмиг вспорхнет и с небес мне помашет крылом
У нее есть свобода, у меня от нее есть таблетки
У нее стая есть, у меня никого нет за круглым столом

Лишь в пустоте — пустота
За чертой — ни черта
Только падает снег,
город спит до утра
За душой ни гроша,
а за так не нальют
А за так только стекла дрожат,
только птицы поют просто так
да и те — улетают на Юг

Ночью выпадет снег, но никто не увидит
Сяду я у окна и печально вздохну
Где ты, птица моя, может, чем-то обидел
Ты вчера улетала, таял снег поутру

Ты права, я давно узник каменной клетки
Но здесь тепло и уютно, выбираться не хочется
У тебя есть свобода, у меня от нее есть таблетки
А еще впереди тыща лет одиночества

* * *

как пахнет небо мятой и дождём
дорога в ночь — твоя последняя молитва
остывший пепел когда-то был огнем
и нож тупой когда-то был острее бритвы

из пустоты доносятся слова
тобою спетой песни на прощанье
ты по ступенькам вверх как по полутонам
ушла и нас преодолело расстояние
ушла и нас преодолело расстояние

как никогда бессовестно честна
и как всегда ни в чём не виновата
в грязи ревёт не наступившая весна
уткнувшись носом в рукав белого халата

из пустоты доносятся слова
тобой спетой песни на прощанье
ты по ступенькам вверх как по полутонам
ушла и нас преодолело расстояние
ушла и нас преодолело расстояние

как пахнет небо мятой и дождём
то осень в лужах заварила чай
и ты как найденная мною днём с огнём
не бойся и
как шоколад в руках растай

лтава-река

сны пролетают над головою
время бежит по щеке слезою
сны у дороги собираются в стаи
слезы ручьями текут к морю

память о прошлом
золото листьев
дымом режет глаза
руки мажет золой
птицы по осени
справили тризну
тают сны в тумане
над лтавой-рекой

спой мне ноченька колыбельную
тихо спой
расскажи сказку дедову
успокой

здесь у вод твоих
ночь подстерегла
медом напоила
обняла осторожно
и увидел я
как у берега
взявшись за руку с сыном
шла мать божья
до сих пор я вижу
сквозь туман
как у вод твоих
тени сходятся
где ты теперь
лтава-река
где явилась мне
во сне богородица

Алмазный автобус

Город прекрасных людей и моральных отстоев
Маленький город большой пизданутой страны
Я проклинаю тебя и вчерашних героев
Предавши то, во что свято не верили мы

Город проебанных шансов, моментов, мгновений
Где ложь подворотен как боль ненавидящих схем
Алмазная улица — путь из других измерений
Алмазный автобус — отсрочка решения проблем

Я выхожу на связь с космосом
Мои позывные: водка-водка-пиво
И алмазные звезды меркнут от блеска моих пьяных глаз
Я словно магнит
И с моим притяжением ты бороться не в силах
Мы с тобой ни в чем не виновны, ведь космос решил все за нас

Город, в котором с тобой мы встретились снова
На улице имени Сотни Разбитых Сердец
И я попытаюсь уйти, ты скажи только слово
О, мой молчаливый, прекрасный хранитель колец

Город, в котором всё могло бы быть проще
Но, к сожалению, это решаем не мы,
А этот алмазный автобус с кондуктором тощим
И снег словно вечность и руки твои, но взаимны

Простреленный флаг

Здесь
долгожданный покой
нас накроет своей пеленой
глаза закрой

Здесь
наш последний редут
наши пушки молчат
наши ружья лежат рядом с нами
за нами придут
нас найдут

детей, что когда-то играли в войну
и в придуманных битвах проявляли отвагу
накроют простреленным флагом
и унесут

Здесь,
где кончается мир
у подножья великой победы
чей частью мы стали
нам положат на грудь ордена и медали

Слышишь
за нами пришли
видишь ангелы в белых халатах
стану я неизвестным солдатом как ты
нас нашли

детей, что когда-то не боялись теней
и любили от скуки
подняли дрожащие руки таких же когда-то детей
и унесли

Прожитые мною годы
Под Стакан-звездой
С восставшей из пепла Анной
Давят на плечи
Выдуманные мною герои
Запивают водку водою
На кухне туманной
Гасят свечи.
Отпусти мне грехи мои, Господи
Да избави меня от лукавого,
Что во мне давно замок построил
Каюсь...
Отпусти мне стихи мои
Прости мои пьяные осени,
Введенных мной в искушение...
Господи, можно я с ними еще поиграюсь?

Съеденные мною книги
От корки до корки
С диагнозом «весна мозга»
Причина запора.
Украденные мною люди
Как куклы на полке
Пластмассовые... в руках розги...
Щелчок затвора...
И то ли ты, Господи, дверь открыл
То ли пуля в висок глаза открыла
Улыбаюсь...
Отпусти мне песни мои
И кумиров, что другим сотворил...
Но, Господи, можно я с ними еще поиграюсь?

На лице под гримом времени
Слезы падших женщин,
Падших в мои объятия...
Ушедших в забвение...
То ли помада, то ли кровь на губах
От тысячи пощечин, брошенных к ногам платьев
Всему есть объяснение
Мой сатириазис чист как слеза последней
Убитой мной словом-пулей...
Метко...
Отпусти мне, Господи, любовь мою
Доигрался. Хватит.
Как вишня вишу на ветке...

А если бы ты тогда села в поезд?
Что бы мы с тобой делали?
Нервно курили в тамбуре...
бегали к проводнику за добавкой...
Кто бы оплатил твой проезд?
Что бы ты пела... И пела ли б?
Уверен, нарушили бы все законы
и даже поправки...
А если бы тебя тогда не остановили?
Что бы было дальше?
12 часов счастья
с привкусом сумасшествия и вины?
Мы бы дождались ночи
потом любили...бесшумно, без фальши...
А как бы смотрели в глаза попутчикам... утром,
одевая штаны?
Как бы мы пересекли границу?
Прижавшись друг к другу?
Лежа в обнимку на верхней полке?
Что написала бы ты на вопрос —
«цель визита» в миграционной карте?
Стоп. На минуточку! Много вопросов, а толку?
Я напишу. Позвоню. Я приеду в марте.

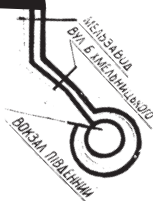

Это как дважды два — четыре.
Это как кофе без сахара
Из говенного автомата
Это как признание в любви
На стене в сортире.
Это как прижатые к свежей ране
Куски, пусть и сладкой, но ваты.
Это как гудки в телефонной трубке
Это как новые модные рингтоны
Это как шансон в кольцевой маршрутке
Это как люди использованные, как гондоны
Это как романтика проникновения
Электроскальпелем в подсознание
Это как прощание. Прощение и терпение
Как абсолютное непонимание.
Это как ночь расставанья со школою
Как медленный танец последнего бала
Это как движенья мои бестолковые
Это как то, от чего ты устала...
Это как вприпрыжку бегущие дети
Это умиляет. Да, знаю. Зануда.
Это как отрывка от ебанного фастфуда
За который с похмелья отдашь все на свете...
Это как мы. Безнадёжно потеряно.
Это дожди с круасанами пресными
В чашке твоей. Это не своевременно.
Это как уравнение с двумя неизвестными...

Ялина

чекай мене в полі

чекай мене в полі
сам
там
в травах розсипано
сором
чекай мене в полі
я скоро

чекай мене в полі
де тополі
по колу
де в землю зарито
ключі
чекай мене в полі
вночі

чекай мене в полі
на тому ж місці
в торішньому листі
не йди нікуди
чекай мене в полі
я буду

3.12.2009

*жінка, яка кладе-кладе рельси
до самого-самого синього моря*

група Ступ(е)ни

закінчився перон
вхід в вагон
нас чотири
нам вистачить віри
у диво
на всіх хто тут спить

із вікна
вихід в ніч.
і кожен вокзал
як причал
кожен степ
(тобто крок)
має слід
твоїх ніг
й тане від
твоїх посмішок

в бік
відкладаємо вранішню пресу
новий рік
і наш потяг іде
на Одесу

від туману
день стає невагомим
знизу море
зверху також
пронизує
злизує
море
і ми тонем
у тоннах туманного міста
в підворотнях
і парках
наливаємо
хочемо їсти
хочем сісти

і хочемо знати
що в цій ваті
наш перший день року
не загусне
не змерзне
зависне
на дрютах передач
з цього міста
але вітер
і порт
як поріг

руки змерзли
і дряпали лід
їдем від
повертаємось у
я ж люблю тебе
чуєш
люблю

8.01.2010

* * *

дружно бухає
по останньому дзвонику
в двориках
юна школота
п'яна не стільки від пива
скільки від запахів близькості літа
і вчора зрізаних трав
вранці над ними
висітимуть свідками
простиной
білі полотна
білі не стільки від програшу
скільки від запаху близькості тіла
з тим, ким ти потім так і не став

віє війною

вії змикаються
каєшся? каюся.
тихо.
виїдь на просіку
може, полегшає
лихо
спицями вріжеш
вітру шматочок
хочеш?
пил позбираєш
розвієш, посієш
скосиш
маковим зернятком
крапає дощ із
небодна
швидше поїхав
озирнувся навколо —
війна

26.03.2008

* * *

повітря липне до шкіри
в нашій душній
пустій квартирі
задуха
без звуку
без руху
на підлозі
валяюсь на спині

на шкірі шкіриться образ:
з небес манна
татуювання
на тому
хто в темі
в ефемі
замовляє
пісню коханій

за хвилями чути море
в коморі
у нас в коридорі
хлюпоче
у ночвах
по ночах
«Приїдеш?» —
«Якщо ти так хочеш...»

10.06–2.07. 2010

ти у мене на думці
я у тебе на шії
мотузкою
день у латаній сумці
поміняла на шило
на друзки
розкусила дві бритви
молитви
усі геть забула
окрім
твого імені
вір мені

потім
драми
розміняла
на мило
а тишу —
на раму
на маму
наділа
всі свої сукні
на кухні
влізла на табуретку
з аптечки
у жменях таблетки

ти у мене на думці
вишнями
(як ти міг?)
але я вже на стульці
милий мій
вище всіх

розклала
мантри
як карти
і голос
за кадром:
що ти дивишся
що ти мучишся

ай-ай-ай
ставай
вдівай
вішайся
і злізай

08.11.2009

вещи

«...вещи
завещали...»
«Щеколда», Волик

мои вещи
сплошной фетишизм
свечи, счеты
и тот
кто повис
между теми
кто знает
что жизнь
это тоже
всего лишь
фетиш
(только
зачем это знать?)
как в клетку блокнот
(и то
чье буду в блокноте писать)

как в кармане
обычный шуруп
как каштана
изученный пальцами
высохший
сморщенный
труп;
чек из почты
(уже получила?)
и испачкана ручкой
тетрадь
номер дома
(палаты?)
икона
многозначность изученных цифр телефона
витамины
словарь чьих-то слов
фотокарточек сноп
стол и
стоп.
все священо
хранимо

но всё-таки,
всё-таки...
мимо

безупречный
сплошной фетишизм
хаотичным порядком
завещанием
жизни
завис

9.01.2010

* * *

Рo

я на березі твоєму
геть заплуталась у травах
осінь пізня
ніч на вилах
юнь повісилась на рамах

я на образі твоєму
ставлю нолики по колу
ти кричав
а я не чула
день дедалі гне додолу

я на площах твоїх, милий,
вистояла проти вітру
і не квітну
і не вірю
світ цей білий в мене вилий

16–17.11.2009

* * *

коло твого вікна
повільно сповзають тіні
післязавтра уже весна
можна пити з горла мартіні
запиваючи терпкі дні

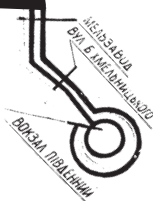
ми десь нижче усіх ватерліній
у твоєму одному вікні

безкінечне красиве кіно:
телефон безперервно дзвонить
запливають риби за скло
крапле сніг на мою долоню
і ми тихо лягаєм на дно

не згадаю вже більш нічого
лиш високе твоє вікно

Ника Новикова

заячо-вовче

[зайці]

1.

Протікають крізь нас повені, протікає крізь час слово «ні».
варить відьма гірке зіллячко, голуби нам несуть гілочку.
пролітають роки совами, і в усьому чомусь знову ми:
проростають крізь нас корені, draжнять присмак зайці зморені,
рух і простір у нас сховано. ми голодні. спимо. холодно.

2.

У консерви лилась хімія, небеса і вуста синіли,
полювали вовки зайчиків, звір гострив пазурі-пальчики,
зачинались в сінах нації, ми минали свої станції,
помирали зайці, генії...

3.

я вичерпую ніч жменями.
я вичерпую ніч з пам'яті, та вона прибува літрами.
я вичерпую ніч відрами, та вони до країв зайняті
невимовним твоїм іменем, (я тону, я гублюсь, зви мене!)
упольованим м'ясом заячим. ми вже ситі. спимо. гаряче.

[вовки]

Ми в землі. лежимо двадцять перший від «вижили» рік.
ми малі. тремтимо. нам не страшно — то холод доп'ік.
ми не мертві, ми тут навпаки — намагаємось вижити.
тільки дихати дерном заважко, і нерви довижаті,
тільки запах утом може видати — надто він заячий...

вони сплять. але це не надовго. бо їм вже не гаряче.

вони ходять театрами, скверами, ринками, винними,
вони сплять у метро, похилившись на бабу вхустинину,
вони плачуть над тушками котиків, збитих машинами;
вони дивляться в очі бурштинами. сірими спинами
затуляють картини блокбастерів, сидючи першими;

вони сплять і не знають, наскільки в утомі довершені.

вони сплять понад нами. пашіють, ще сонні, причмелені,
вони сплять, випікаючи черевом рани по зелені,

вони дихають важко. а нам вже не хочеться дихати,
вони клямцають іклами... вчули! ми — криком;
– ні! тихо!! ти...

вони злі. з нас хоч користь — підуть м'ясникам наші киші;
вони злі. хай дістануть — нам байдуже! ми — не добріші!
ми — зайці, а зайці не здаються! ...все ближче і ближче...
ми — зайці, що й живі не ридають, а мертві — тим більше!..

вони ситі. і сплять на землі, на кістках, на світанні.
вони сплять. але це не надовго, бо ми — не останні.

сон-я-сон (постматричне)

[сон]

Приходив Сон, сиділи на постелі.
я пялилась в повіки, він — у стелю.
приходив дуже рано. із тюльпаном.
благав. чіплявся. плакав.

хтивий. п'яний.

[я]

А вранці набігло вісім хвилин для сну,
чи може мені на вісім хвилин здалося,
що сонце крізь вікна сиплеться у волосся,
що пам'ять крізь серце будить мою весну.

а вранці набігло вісім хвилин життя.
під ліжком ледь чутний шурхіт чинили мрії,
це я їх туди загнала, та чи зумію
тепер довести до світла
чи до пуття?

а вранці набігло вісім хвилин мене.
і руки зігріли теплі молб́ка світу,
надлившись з Малого Воза у вічі літа.
зігріли, та не мої.
або просто
не...

[сон]

мабуť

[ма]

Мабуť, колись зі щастя на біду
зварю собі гіркотну лобуду.
і буду пити по ковтку на рік,
щоб і до цього пійла шлунок звик.

зумію — буде добре. і тоді,
мабуť, складу я оду лобуді.
а потім, як дістану талану —
сплету собі капличку з бур'яну.

[бу!]

залежна від змісту, прогіркла на присмак —
не я. та катма́
снігів і нарцисів — їх книга не вмістить
твоя. і дарма
ширяє над містом-що-я падолистом
байдужо сама
знецінена листям в тобі-передмісті
ця надособистісна
літо-зима.

залиті для проби медовим сиропом
(не пити ж бурду!)
голодні мікроби зневіра-хвороби
прокислі в біду.
і нудить — не пити б — у фрази розлитий
жовтавий настій,
та мозку, що вислови крає на бритви,
він — свій.

[ть]

і ми, смішні і п'яні, що в чаду,
п'ємо свою гіркотну лобуду,
наварену із щастя і води,
а на закуску — вишкварки біди.

і все неначе добре, бо земне.
і десь ведуть на плаху не мене.
а поряд, на коробці із-під див,
ще мить тому Господь
було

сидів.

делай добро. бросай его в воду.

[1]

Семь недожитых лет, как одна неделя...

Дни за одним — к другим, будто про-ститутки.

Время охоты. Копья уже дозрели.

Зверь, затаившись, ждал от тебя поступка,

так же, как я. Жестокий, голодный, глупый

жар неостывшей крови под трепет туши...

Племя искало жизни в звериных трупах.

...

Время охоты.

Время борьбы за души.

а в моем ноябре не-холод-но-слишком-бело. на двоих не хватило хвороста — разошлись. у всего есть предел, у глупости — нет предела. нам могло не хватить и рыжих, мохнатых белок... нам могло не хватить и хитрых, вонючих лис... что ж ты, милый, огнем с зимою моей наделал?

Падаль в добычу — слишком гнилая тема.

Шкура, мой мальчик, вовсе не значит зверя.

Плохо, что мальчик главным своим тотемом

Шкуру назначил. Хуже — я в это верю.

[2]

В ніч, коли осінь вистудить серце літа,

я потихеньку вийду гуляти дахом,

пити вершки, що ллються Молочним Шляхом,

кутатись в білу тишу з-під чорних літер.

...і не було нам печер, а лише морози.

і не було нам вогню, тільки вічна тиша;

зграї круків по небу, щільні, мов проза;

теплі його обійми, скупі, мов вірші.

...ми розсипались із «до» у хронічне «після»,

ми розривались на видиму й темну сторони.

блякнули чорні, білі вплітались ворони

відьмі у чуб, аж зорі молочні кисли.

та добіжать, і рогом упруться в ріку

наші шляхи.

ти правий, я — лівий всесвіт.

і розіллється кригою чорний плескіт.

я перейду по водах, а ти не зможеш —

місячний шлях на кладку не дуже схожий.

ми ж із і безоднею можемо так довіку —

пильно вдивлялись в душу одна до одної.

Історія виживання

Її з життя відміє хіба що сірка.
я, звісно, могла б втекти на тонкій крижині,
щоб ніби спасенна, й ніби усі невинні...
і ніби іще танцює в хаосі зірка;
щоб наче рубати руки ножом із льоду:
на ранок лишиться рана, а ніж — водою
стече по поблідлій шкірі, впаде на код,
і стане неясно, звідки ж це стільки болю...

[поволі розгорне вечір нову газету:
ось тут загортали Рибу, а тут читали,
а тут некрологи — стовпчики злої слави,
такої, що всім по силах...]

просилась... де ти?
і руки впирались в зношене тіло ночі,
яке потягали досі усі, хто хоче, і ті, хто не хоче...
зрештою, ночі — спільні.
а крига пливе за течією повільно...
і ніжним тавром у погляді — неосудність.
нас двоє: *я-сутність*. і *твоя не-присутність*;
нам темно, нам страшно, та щомиті смішніше,
бо добре відомо: виживе щасливіший.

...

а там допливе й до крайнього краю світу,
де крайність така безкрая... не стане літер;
де з синьої сині матово-синя птаха
загорне у кігті-пальці, у крила-лахи,
і так понесе. і десь, над самим едемом,
складе чорні лахи й зронить на вічну тему...

[бо злі помирають десятками,
добрі — невдахами]

бо завжди було: один витягав дві ролі
на вибір: крижина в око чи куля в рота.
комусь діставалось серце, комусь — свобода.
(та перших на других завжди не вистачало)
одних зустрічали радісно, інших — миртом.
(закреслено) як їх звали?
одним насипали золота, іншим — солі.

й, розведених чистим (правда, технічним) спиртом,
лишали давитись щастям, мов чорним газом;
давали щасливо вижити
й вмерти разом.

її з живота відміє хіба що сірка.
луску надто важко вивести.
світ-на-дибу, і люди ідуть на дно.
виживає Риба.
як тільки вода заповнить у грудях дірку.

qui sèmpre régna il silènzio*

(з чотирикратною посвятою)

Набігло, наляло у човником взяті долоні
снігів, переталих у воду і загнаних в лід.
Накрапало ніжно, крапало сніжно на скроні.
Все буде, як вийде,
а вийде, напевно, як слід.
І ходить невидимий бог незагоєних вражень,
проходить повз видиме, благословляє святе.
Я, певно, питаю,
та він, певно, знову не скаже,
і слово-не-слово у значиме не проросте.

А місто поплутаних буднів із зимами любить
нестримно, безримно... І зимно усюди-усюди.
А місто, немов безпритульне, до ніг мені тулиться,
а в міста навіки поплутано стомлені вулиці,
і кожна мені упирається рогами у груди.
Ховається в серці і губиться, губиться, губиться...
Тремтять перемерзлі дороги, бо сіро, не спиться їм;
зльоділим, прогірклим асфальтом ступати так солодко...
І стопи судомить, і стегна судомить їх холодом,
не тануть льодинки, у очі і груди
колються;
ліхтарним півоком
мружиться тінь-околиця,
нечутно стікає світло і ніч ключицями:
мов жовте по білому, чорне по білому золоту.

Туману по горло, по чорні верхівки будинків;
метелики жовтого світла вмирають в долонях
у міста торішніх дощів і торішніх перонів,
недійсних адрес і людей, нескінченних ринків;

я, ближче до ранку, як ще залишатимусь дійсною,
розріжу густу понад-Бугом-туманну-тісняву,
позлизую з уст учорашню словесну плісняву,
і вийдуть мені на очі дрібні боги
несказаних слів, перегнилого вже-не-листа,
трьох вилиць-мостів,
і огорне ще сонне місто
прокисла вода, карамелеві береги:

[сні-ги]

І в мить, як воно востаннє до ніг притулиться,
я розгадаю секрет вінницьких вулиць,
я розгадаю секрет вінницьких воронів,
щойно навчуся йти в правильну сторону.

Повз пролітатимуть вишколені машини;
в місті відразних неділь і прекрасного бруду
буду ловити на губи холодні хвилини,
буду у жовтому світлі,
і справді буду...

* *тут вічно царює тиша.*

двадцять вісім днів

[1]

Обійми мене міцно, здається, я йду по швах.
за хвилину із мене вирветься синє море,
за хвилину розірве груди (чи зійде дах);
обійми мене, захвилина — це зовсім скоро.
випадає — немов монетка з кишени — день:
лівий бік відливає чорним, правий — добром.
б'є об землю. а я чекаю: ну як впаде?
довго крутиться. завмирає. стає ребром.

з вій стікає холодне світло і талий сніг.
задихаюсь я! задихаюсь я! надто просторо...
погляд колами йде, і коло замерзлих ніг
набігає у тінь калюжа нічного простору.
море проситься, хвилі б'ються і сіль пече.
хтось би, певно, заплакав, звівши очі угору,
хтось, напевно, відкрив би вени — нехай тече.
я — лягаю на землю.
я від сьогодні —
море.

[2]

чорні гави на білому небі — негативи нічних сузір'їв,
незабуті минулі болі — перетерті у гальку гори;
пульс: перкусії вітру, риби і жовті хвилі;
трохи ближче — і сам відчуєш
скоро.

обійми мою синю воду — хай гойдає. тоді засни.
разом будемо спати довгих
чотири місяці
до весни.

Негативи

Розлазиться туш по небу гілками-знаками;
від світла, а не від болю, дощаться очі.
і сонце таке, таке... ну, немов... неначе я...
і плями бензинні хмар, і у людях — біле.
і зараз це схід чи захід — ну геть однаково.
бо, знаєш, після такої довгої ночі
сходить або заходить — не має значення.
лиш би світило.

нікуди не йти,
а лишитись в липкому теплі
температури і білих старих батарей,
чаю гіркого на смак, перегрітих ідей,
що запеклися червоним на білому тлі.
надто багато чужих відображень на шкірі,
змити дощем їх і снігом, чи чим там іще.
весен немає, це лютий так грає у щем.
дурять весною, а ми... ми із тих, що вірять.

цілуй-не цілуй, а присмак уже не вийде:
колір валеріани в'ївся у губи,
мов так було.
після такої довгої чорної ночі
місяць чи сонце (що ти там більше хочеш) —
немає жодного діла, що перше зійде,
аби зійшло.

труднощі перекладу

Чуєш тримай тримай мене втримай втри...
руки зв'яжи обійми за бліді коліна.
з півдня летять гарячі руді вітри,
в груди наносять скалок наносять глини,
стукіт міняє тихий болючий скрип...
знаєш які тут хлопче високі стіни?
станеш буває дивишся вище й вище,
голову задереш упадеш на спину,
очі печуть заплачеш немов дурна...
пусто так пусто — вітер по нервах свище,
думка шкребе у скроню потроху нищить:
все що між нами спільного —
ця стіна.

візьмеш за руку начебто щоб вести.
ні розчинитись не вийде ані втекти...
тіло тримають купи старі мости,
біле вино і трохи звичайно ти.
скільки було долонь у моїх долонях...
дивишся вгору стукає жар у скроні:
сонце руде і пальці його руді...
ти дістаєшся дна ти напевно тонеш.
просто ти ще не вмієш
вести по воді.

[я байдужа така, що здаюся усім хорошою,
а не хочу, більше не хочу, менше не можу
так постійно дивитись угору, щоб впасти на спину.]

Заживо перетоплено води у вина,
з півдня летять гарячі руді вітри,
хочуть мене зігріти: гори! гори!!
сонце пече гаряче таке згори...
чуєш
тримай
тримай мене
втримай
втри...
рівно за мить гарячі мої вітри
тепло стечуть у землю
по жовтих стінах...

східці

В чорних пащах старих скверів
сни вимочують хтиву плоть;
ось, мій друже, мої двері.
заходь.

ніч, на ранок гірка й вічна,
кволо цідить коньяк тиші;
це, коханий-не-мій, відчай.
залишся.

річка суму обіч тече,
берег берегу — рай се;
ось, мій враже, моє плече.
спирайся.

дощ згорнувся в імлу тихо;
місяць місту печінку виїв.
все, мій пасторе, твій вихід.
скажи їм...

tideland

...won't you come out to play?
(Lennon/McCartney)

1.

Ці хлопчики
/кожен з яких захоплений чимось іншим:
хтось моїм дитинством, хтось волоссям,
хтось
тим, як я вмію не говорити,
займатися сексом, ніби любов'ю/
у вільний від мене час вони п'ють своє перше пиво,
ховають на пам'ять перші презервативи,
купують перші бритви і перших своїх повій,

ці хлопчики люблять колір моєї крові,
запах бензину і швидкість! швидкість! швидкість!
для них усі машинки, збиті коти і цнота
завжди були іграшковими.

хлопчики люблять мене своєю незвізрілою любов'ю
(яка межує зі злочином, повільно сходить у збочення)
за пружні засмаглі литки,
за те, що я знаю хто вони.

2.

піддатливі, наче тіло,
застиглі, неначе камінь,
ці хлопчики ніколи
не стануть чоловіками.
як би не захотіли

3.

щоночі схиляються поцілувати, заледве стає страшно їм.
гострі їх поцілунки влучають точно у ліву скроню.
тихі, як смерть праведника, шепоти їх зміїні...

і довга ніч пролітає крізь мене
важкими короткометражками
про дівчинку у відчепленому палаючому вагоні,
поламану на стоп-кадри
і гострі червоні лінії.

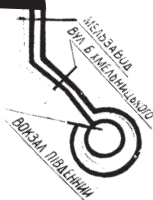
4.

коли усе накриває відчай і їхні дитячі долоні
хапають за шию схожі на мертву рибу повну ікрою
їх очі виплакують пиво і оцет – я забираю повій
вертаючи їм всю невинність світу
плюс – контрабандну зброю
по-материнськи ніби цицьку їм підставляю скроню

й вірю: вони насправді існують
тільки в моїй голові

Никита Воловод

рагнарёк

аура утра —
сутра
рождающегося дня
будто бы
Будда
разбудит
но снова забудет
понять
радуга треснет
на ее месте
ночь
и по погоде
бескrestным ходом
боги уходят
прочь

у правого уха
щелкнул курок
сухо
возвестил рагнарёк.

Коран
корановое ощущение
сура «корова»
как упрощение
изначально простого
рабочей поверхностью фрезы
наглухо срезана
первая строчка
«нет Бога»
точка

ахурамазда
сверхточно
с первого раза
прочно
и намертво
покинет
пределы сознаний
и в наказание
перво-наперво
отнимет право

нести из уст в уста
что говорил заратустра

вальхалла
ракрушена
иггдрасиль
срублен
и душам
время исхода
вострублено
листья
драккарами
опустились
на лужи
и все,
что было уже,
стало уже

сансары кругу
вышел срок
вдруг
наступил рагнарёк

а саундтрек?
outechre?
– не катит
– токката
и fuga?
– хватит
парить друг друга
песнями
ведь песнь песней
не воскреснет.
нет больше
сета
кетцалькоатля
агни
но снова
согласно прежним
традициям здешним:
– final version —
title:
“Gibel’ bogov”
by vagner

тело от духа
освободится
времени
время придет
остановиться
и прекратить свой бег
а новый
свинцовый
пустой ковчег
в последний путь неслышно отчалил
и слово, которое было в начале
повторится снова
10 000 раз
но уже не создаст
ничего нового

как было,
так и осталось
самая малость
забыть усталость
своего бремени
больше не время
давить на жалость

как было,
так и приснилось
как ни хотелось —
не повторилось
ивой плакучей
грозовой тучей
небо склонилось

как было,
так и останется
хочешь — расстанемся
нет — пронесемся
от земли до солнца
твоего лица,
а потом проснемся

будет только так
будет в конце слово
что не могло быть
ничего другого
и нет никого
кто поверит
что ветер
однажды
заплачет
и что-то
когда-либо
было
иначе

* * *

ощущенье праздника
в полусне-экстазе
на рассвете вползает в мозг

хотя день обычен
и без непривычно-
прогрессивных метаморфоз

на пол свесив ноги,
подведем итоги:
с пользой лето прожито или зря?

август замечателен
своим знаменателем —
31-м днем календаря

Боже ты мой, Боже!
как же непохожи
я и тот, кто сейчас во мне!

и, проснувшись рано,
не узнаю, глянув,
себя в зеркале на стене

надвое поделен,
я, на самом деле,
уже завтрашним днем живу

и, дыша все тише,
краем глаза вижу
оппадающую листву

кисло-сладким гетто,
ярко-красным цветом
аватары лета мертвы

вместо них система
установит тему
на desktop из сухой травы

вот сидим у дома,
по местам знакомым,

на виду слепого окна

ну, давай, по первой!
и сейчас, наверно,
звезды станут чуть ближе к нам

по второй! за праздник!
для кого-то разный,
он осознанным для нас стал —

проводя время,
остаемся с теми,
кто от бега его устал

за тебя! по третьей!
и на целом свете
пусть останемся только мы

да и то не вечно —
выйдем в бесконечность
с наступленьем первой зимы

хочешь откровений?
по моему мнению,
мы надолго застряли здесь

и бутылку бросили,
но, раз ты так просишь,
расскажу тебе все, как есть

ты со мною рядом
и печальным взглядом
вряд ли можешь мне помешать

так что сядь и слушай —
это в мою душу
незаметно осень пришла.

«Великие поэты умирают в дымящихся горшках с дерьмом»
Чарльз Буковски

словоохотливость
в плане текста
общеизвестна
общепризнанна
откуда-то извне призвана
чтобы убрать отчетливость
из происходящего
внутри
и в стороне стоящая
от настоящего
словоискусства
в его отсутствие
все утрирует

и ты
как заправский словоохотник
знающий, куда приводят мечты
мертво вцепившись в подлокотники
кресла, в экстатически-творческом тризме
пропускаешь через мозгов своих призму
очередное произведение
будь то рассказ или стихотворение
но все равно оно
(и ты это слышишь отчетливо!)
пахнет словно говно —
словоохотливо

ведь главное что? начать!
и вóт ты
под неизменную стопку водки
ни на йоту не отвлеченный
но влюбленный в свои труды
швыряешь и швыряешь тонны
неперелопаченной словесной руды
(которую не стоило бы и беречь)
но уходит она не в печь
а в печать

но вдруг псевдотворчество обернется
неврозом, стрессами, ночной потливостью
сознание прогнется

перед бессонницей
раскаленное, словно солнце,
жаром горит
словоохотливость генерит
словопохотливость

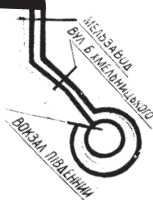
и сейчас бы из кресла вскочив скорей
к чертовой матери бросить все и уйти!
но внезапный финал скажет тебе: no way!
кроме смерти у тебя больше нет пути.

а путь в рай закрыт
на другой его стороне
(и дорога туда короче вдвойне)
стоит и ждет тебя, как и раньше
дымящийся горшок с дерьмом
давно уже ставший твоим пристанищем
и твоим последним
поэтическим
домом

Оксана Бурсова

Дим

Злитися
З ним,
Веселитися...
З ним одним.
Дим
Трохи один.
Ти — один, плюс один...
Піском із годин,
Водою з хмарин
Хочу туди,
Де ти.
Дим.
З цим
Бути як?
Жити так,
Мов кріпак
З долин
Самоти.
І я?! — А я...
Дим!
Низько уклін —
Зорі в поділ
Збираю.
Може, знайду
Ту одну,
Що шукаю...
В піску із годин,
У воді із хмарин
На березі ти, як один,
Ніби простолюдин —
Мов, що янгол — не знаєш...
А знає дим.
Ходімо
У дім
Без дахів,
Де сонце посіє
Нові дні.
Я буду тобі —
Світанок в росі —
Трохи димом.
А ти для мене — усім.

1.10.2009

* * *

Постелю для тебе постіль,
Щоб поспав
Розплету для тебе косу,
Щоб роса
На щоках твоїх роса
І вуста

Цілунки до світанку
Мрії вище даху
Ти у моїх ніг
Як ти міг... як ти міг

Не любив, а говорив
Сам не пив, а напоїв
І той любовний напій
Розлив в мені

Наварю для себе зілля,
Щоб заснула
У травах-росах сіла,
Щоб тебе забула
З неба хлине сила
Не люблю я

Твої губи,
Твої очі
Тебе всюди аж до згуби
Хочу мрію мати хоч би
Оберемок твоїх вій
Важко взяти пальці з вати
Та мовчать не стане сил
На добу чи на годину
На секунду
На хвилину...

Будеш мій!

13.09.2009

* * *

Зніми з мене втому
У себе удома
Нічого й нікому
Не розкажу

Зніми з себе форму
Шкільну і військову
Промови в півслова
До завтра забудь.

Зніми з мене фото
І відеофільми
І знімки потому
Лиши в темноті.

Зніми з мене зміни
І літо в роботі
І осінь без дому
І зими в люті.

Знімай же вершками,
Щоб впасти додолу
І вірші розлити тобі на взуття
Я так заплелася своїми думками
У твій тихий погляд...

Боюсь не знайти вороття.

10.08.2009

* * *

всі мої мрії
вкрадено горем
сонцем що сходить з-за хмар
голимо голими голені горем
і горем печем коровай
горем намащуєм хліба і медом
змащуєм рани свої
так більш не хочеться, так більш не треба
ті зміни вже близько, а ти
наливай аж по вінця, щоб інші не бачили
до вінця поведи восени
стільки винних, а де ж пробачені
де пороги оббиті слізьми.
я розкаяних там не шукатиму
там лиш немочі скиглі й гливкі.
за твоєю проклятою вдачею
не подам і при смерті руки.

07.08.2009

* * *

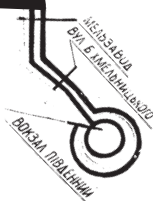
Тонкими скибочками
Порізане серце
Від тебе ні звісточки.
Метелики сердяться.
Жодного признаку
Жодного пристрою
Пристані при стані
Розпусти і розпачу.
Побудь іще трохи
Не йди.
Запали
Ще одну сигарету
Зомліє на попіл
Як я
Від єдиного дотику
твого.
Й смерті.
Не йди.
Твої пальці
Розтерті і вперті
Сховались в манжет.
Лишились лиш ми...
Я і дим... від твоїх сигарет...

14.07.2009

Юрий Кузнецов

* * *

рванных стихов золотые перья
залатанные как придется
сквозь складки цветной материи
ожившая птица рвется
голодным птенцам без остатка
сердце скормит и душу
выплачется украдкой
вегетарианский ужин

* * *

канатоходец проходящий мимо
в тюрьму свою спешит усестся
история нам вертит хвост
как мил простолюдин
когда великий пост...
основоположник ветроплавания
боялся сквозняков
но помереть успел не от болезни
а по вине врагов

* * *

борьбою развереженный атом
обрушившись грозной дугой
пылающим водопадом
ворота красные смой
в погоне за знак восклицательный
хоть прямо
хоть наискосок
на запятой и касательной
над головой потолок
баба в избе притомилаь
хочется сжечь и войти
словно к себе в квартиру
вверх этажа через три

* * *

изнанку вывернув наружу
приходит босиком весна
шарфом замотанный простужен
глаза не оторвешь от потолка
они прилипли
сверлят
сверлят
и дышит жадный огонек
я заблудился в полусфере
и выбраться никак не мог
куда же черти перетянут
прости
распят в кругу друзей
изнанку вывернув наружу
я наливаю слышишь
пей
зеленый чай
луна таиться
вертеп
снежинок балаган
не спи
не спи
зима приснится
или утопит океан

* * *

по следам уходящего ветра
в широкополой фетровой шляпе
шел по полю старик
угрюмо склонивший нос
зерна в землю бросая
рядом девка босая
бежала
васильковый букет держала
дед думал о хлебе
девка мечтала о принце

* * *

загадочность причудливости формы
придирчивости к жизни
воплощена в огне
который борется за счастье
в своем доме
в своей горелке
словно лед на теплой тарелке
в непогоду
в ненастье
плохо выпали кости
две единицы
глаза яичницы
мелом начерченный силуэт
силу эту целует
до свадьбы
береженного и бог бережет
в глазах дьявола
словно вор стережет
чужую поклажу

* * *

когда за деньги в рай
притормозил
пожил
и дальше строить плот
спасаясь от дождей
когда несёт водоворот
рекою памяти твоей
вернулся цел и невредим
снег теплым утром растопил
три года ждал
три дня у моря
росою пяточки умою
в том месте
где не к месту ты
любовью тыкаешь в кусты

* * *

в пыли небесной остыли
искали судьбу барабанщика
по стенам отвесным ходили
пластикового стаканчика
жить начинали заново
с новой ноги просыпаясь
в очередь становились
каялись и спасались
мерили шапки без спроса
дули в свои папиросы
дулю в кармане от сглаза
кайфа с первого раза
в рай на святой кобыле
да поворот забыли

* * *

жара
жара
как банный лист
прилип
потею
дышать не умею
ура
привет, турист
через неделю
к морю
горою
успею?

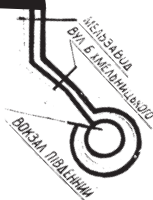
* * *

пустая белая корона
внутри себя ютится дома
жаля пот чужих голов
железный замо́к без замко́в
замолк за толк
уста на шелк
нашел пустой аквариум сердец
конец

Олег Таран

Горе Кошке

Небо птицами ныряет
Море рыбами плывёт
Ветер тучи разгоняет
Кошкой прыгая на лёд

Нырок

Нырнул несчастный
Крест потерял
Враги настроились на месть
Но Бог ведёт дела умело
Не дал на поруганье честь
Москвич приехал из Одессы
Нырнул и крест со дна достал
Отдав счастливому повесе
Ура! Димитрий закричал

Анастасии

Сидит Анастасия
Мелькают мысли в ряд
Воздушные стихии
Сверкают и горят

Лежит Анастасия
За горизонтом спят
Ментальные узоры
Её простой наряд

Плывёт Анастасия
Волна ей говорит
Мы вместе видим берег
В котором дух царит

* * *

Когда одни деревья станут
Стоять, где все давно ушли,
А ветер завывая станет
Орлов парящих вверх нести;

Мы обретём друг в друге вечность
Луной, сияющей в ночи
Внутри проявят скоротечность
Воздушных колесниц лучи

И Красной Площади пространство
Сотрёт превратности судьбы
Восходит Солнце постоянства
Всё ясно; это знак любви.

25.07.2009

Плач о флейте

Без флейты я не знаю
Куда себя девать
Принёс восточный ветер
Невиданную рать.

Без флейты поезд длинный
Не может приезжать
И самовар старинный
Захочет новым стать

Придите пассажиры
Беседу развивать
Флейтисты и Венера
Пустились танцевать.

Метеостанция

Мы прыгнули вместе
Мы вместе плывём
Морскою волною
Единой живём.
Елена сказала
Туда доплывём
И я согласился
Морской видим дом
Стоит он на жердях
Кренится слегка
По небу играя
Летят облака
Научною станцией
Он наречён
Приблизился к нам он
Сейчас доплывём
И вот мы доплыли
Железо скрипит
Взобрались на жребий
Для солнца нашлись
В воздушные бульбы
Одет Водолаз
Его размышленья
Доходят до нас,
Согретыя солнцем
Пустились назад
Теченьем носимы
Вернулись как раз
Тарасий нас встретил
Чайковским для Вас.
Встречаются дети
Плывёт Водолаз.

Обращение Петра I к блаженным

Зима обрушилась неукротимым гневом
На пьяных обитателей Земли,
Несётся ураган измены
Из сфер воздушной клеветы

Зачем ушли вы в магазины
В счастливый, неурочный час;
Для вас готовили маслины,
Как эшафот был подан квас.

Теперь вы пленники затвора
И многих нет для ваших глаз
Покайтесь стражи беломора
Нетварный свет у нас и вас.

Давиду

Давид, божественная личность
В ручьях залива гострий кут,
В его стихах сверкаю мысли
Летучей рыбою плывут.

Axy

«АКСИОНЕРНО-
БЮДЖЕТНОЕ
ПРЕДПРИЯТИЕ»

в проводах

в твоих проводах запутался б даже ток...
если бы был
если бы тёк
если бы бил
ключом
если был
ключом
от двери
в твои
кровопотери...

в твоих проводах запутался б даже Бог...
если бы был
если бы мог
если бы сбил
с ног
если бы смыл
с ног
всю грязь и серу
твоих «Нет!»
и «Не верю!»

2004

трижды самый солнечный солдат

время Точных Линий
взрезано осколками в куски,
стаи прочно клинит —
к Югу прорываются полки.
первой оборвётся
Пуповина Всех Координат,
к жатве не вернётся
Трижды Самый Солнечный Солдат.

ночи день латает:
не понять — рассвет или закат.
сладко умирает
Трижды Самый Солнечный Солдат.
в двух ладонях — травы,
в дёснах — ищут связи провода,
в подсердечьи тает
золотая-пуля-не-вода.

капает из раны
вытатуированная кровь,
в землю капли канут,
пополняя недра вновь и вновь.
руки лижут травы,
в дёснах — шевелятся провода,
сцепливая страны,
континенты, сёла, города.

с леденцовой болью,
медленно смакуя позвонки,
телефонный колик
ищет уходящие полки.
цепenea рвётся
Пуповина Всех Координат,
мёртвенно смеётся
Трижды Самый Солнечный Солдат.

1999

кольцевая

обвито тонкое запястье
серебряным кольцом браслет
которому не год а лет
не счесть с ним счастье и несчастье
лишь кожа всё из целлофана
вкус поцелуев как токсин
как в одноразовом такси
по кольцевой от спальни к ванной
я вновь на круг — обряд обрядов
крапивный запах в волосах
и различимы голоса
но ни один из них не рядом

2004

врозь

из-под кожи Бог Зачатья
зазрачковость впрыснет в завязь,
стоит только лишь начать и
сладость, с осенью не справясь,
зацелует губы липкой
виноградиной по краю...
пробежит, слепя улыбкой,
по кротчайшей бритве к Раю.

развернувшись к сочной грозди,
наливаясь солнцем в гранях,
заслоняя небо... врозь мы
пьём из виноградной раны
завязь, осень, боль улыбки,
семя Бога, Рай Зачатья,
зацелованные липким...
стоит только лишь начать и...

2000

девочка без шара

настанет день, и спишут девочку на шаре с шара —
в утиль, на пенсию, на шару — и отпустят по земле,
она сойдёт с него как постаревший капитан —
волк с красной шеей, век шатавшийся по морю — а может даже и
контрабандист —
и станет заново ходить учиться, а станется, сопьётся как и он
и после пустит пулю...
а может, всё случится у неё — любовь, замужество, детишки, внуки —
найдётся тот, кто ей напомнит, что Земля — такой же шар, слегка в
диаметре пошире,
и вдруг почувствует она, как отступает от её ступней
округлый мягкий спазм фантомной боли.

2006

римлянка

она уходила в рассвет
шурша синтетическим платьем
она находила рассвет
блестящим, сверкающим, платиновым

она удалялась в рассвет
роняя обвёртки конфетные
она умилялась рассветом
с улыбкой еле заметною

она дополняла рассвет
своим силуэтом подтянутым
она наступала на свет
ногами, как струны натянутые

она утонула в рассвете
и стала почти незрима
она знала то, что на свете —
Все Дороги Ведут Из Рима...

1996

клоун знал

когда кончился снег и напитки со льдом,
когда радуги цвет ослепил серый дом,
когда жёлтый металл победил цветы,
я узнал, кто есть я,
ты узнала — кто ты.

когда красную дверь облачили в свинец,
когда сыпался дождь обручальных колец,
падал маленький клоун, словно срезанный скальп,
целовал чистый воздух
и грязный асфальт.

мир казался чуть выше, чем контуры крыш.
клоун падал как Ангел, он был светел и рыж,
кровь его поцелуев — цвета сонной звезды,
клоун знал — кто есть я,
клоун знал — кто есть ты.

1997

ответ

полосы в волосы заплетут
лентами эквивалентными
жалюзи бросив ответ на ту
что росами босая лепит мне
лепета шелест похожий на бред
про горло что бредит бритвою
мне параллельно всё — этот ответ
залепит зальёт заслепит меня

2005

грозди

грозди слёз,
покидая оба глаза,
взасерьёз
режут щёки, как алмазом.
слёзы вдрызг,
раскатившиеся грустью,
лезут вниз
по прорезанному руслу.
тушь и кровь
по веснушкам Иорданом,
как любовь,
прижигая солью раны,
по губам,
по улыбчивым помадам,
по словам
ядовитым, виноградным,
соскользнут
с подбородка бликом грани,
упадут,
растворив вино в стакане,
но не пьёшь
ты слезливость сочных ягод
и не ждёшь
разноцветно-пьяных радуг.
ты молчишь,
ведь, по сути, одинока...
слёзы крыш
разбавляют слёзы окон

2000

королева

Королева проснулась рано
Королева промыла раны
Королева побрила ноги
Королева надела платье
Королева идёт по палате
вызывающе белой палате
по пустынной и белой палате
Королева босая идёт
слева стол привинченный к полу
справа стул привинченный к полу
Королева обходит предметы
Королева лавирует между
только давящий шорох одежды
лишь чудовищный шорох одежды
сверхназойливый шорох одежды
только шорох остался из звуков
Королева уже привыкла
Королева обходится малым
Королева пять дней не курила
не читала французских книг
Королева лижет извѣстку
когда кальция ей не хватает
когда кольца её тускнеют
Королева их известью трѣт
ни казнить одним лишь движеньем
ни помиловать тем же движеньем
Королева уже не вправе
Королева в сливе уже
Королева давно не плачет
Королева давно не хнычет
Королеве нужен палач лишь
чтобы кончилось это всё
и тогда Королева знает —
Королевы ведь точно знают
и вот эта конечно знала —
что сказать ей в последний миг
она встанет расправит плечи
она встанет примет осанку
она встанет и громко скажет:
– ну-ка зеркальце мне подать!
и они принесут Королеве
не откажут они Королеве

перед тем как казнить Королеву
они зеркальце ей подадут
и она поглядит в него строго
свет мой зеркальце — скажет строго —
кто прекраснее всех на свете —
Королева скажет — скажи?..
и ответит оно... и не страшно
ничего ей уже не страшно
Королевами ведь Королевы
остаются всегда навсегда.

2007

ось

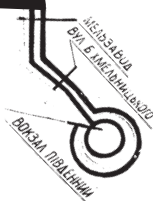
из сплетения солнечного
взял и вырос подсолнечник
глянул, вышел насквозь
без смещений
в этом месте пусть будет ось
ощущений

2004

Євгенія Найчук

0. зима. чайний

в.м. і творчєскої жєницїне

із часом
частіше подобаються пейзажі
мальовані, звісно, чаєм
і, звісно, ти
мені поворожиш
і щось посолодиш скажеш
до того, як виб'є час
назавжди піти
дарма, що зима
адже з долею кепські жарти
не стерти тавра пейзажу з твого плеча
тобі лаштуватися в подорож
і рушати
і, звісно, вертатися
доки не вистиг чай

1. зима. фіолетовий. ожиновий

цмокає спирт язиком ожиновим
серце так само розмірено єЛ
гроші, спрямовані на поживу,
падають, мов орел

стрінемось, ангеле, вечоріше
як за пароль віддаси перо
гріш, від якого залежить рішення,
падає на ребро

2. зима. синій. сутінковий, прощальний

як воно — перехреститися і піти?
час визначати за графіком магазинів
тінями синіми
падатимуть хрести
жоден не схибить

За. рання весна. блакитний із відтінками водними

це місто Господи... а далі вже було
тумани падають завіси тануть
над звеснянілими містами
одне крило

на весну тиші вуличок зрости
крилом затамувати біль образи
а ми би ніч сиділи разом
от тільки ти

страшенно хрипко дихає земля
готуй всю ніч пігулки проти болю
а ми змогли би без любові
от тільки я

36. у тінях видається блакитним

тонкі тайнописи вітру
на вицвілому асфальті
сховайте мене від світу
розквітлу мене сховайте

бо плакати не годиться
хоч дірка у грудях зліва
відвертої таємниці
що наскрізь мене прошила

Зв. останні дні весни. блакитноокий

не розплачуся і стрімголов не втечу додому,
хоча ляльчині очі наповнюються слізьми.
не лишається їй нічого, адже відомо,
що відходить вона, як дорослішаємо ми.

я статечно піду, і на вулиці тихо стане,
від протертих сандалій кумедні лишу сліди.
найцінніше дається, як правило, наостанок,
на прощання, а, значить, лишається назавжди.

різнобарвний

вицвітають світлини до вишневого цвіту
до липневого цвіту знімки стануть сепійні
а до того на небі розпускається вітер
світ злітає в повітря і виспіває півнем
зір вбирає у себе розмальоване пір'я
від квітневої фарби на губах присмак меду
заходжуся на скелі будувати довіру
бо надію на крилах змалювала як треба

4а. літо. убивчо-зелений

певно що ночі стають холодніші
знову босоніж у сніг уві сні
наші обійми цю білість не згіршать
отже у постіль усоте мені

поза снігами сновидними літо
світло розквітло на небі і вже
в очі впадає що лист зеленіти
буде загубленим мідним ножем

певно що літня та чутно що люта
майже лютнева у наші серця
по-світанковому вільно й розкуто
падає падає зелень оця

46. осінь. мілітарний, себто зелений

*З подякою
Вікторії*

місто каштанів кольору хакі
як окуповане плута сліди
парк півосінній скупий на «кохати»
лист надвечірній швидкий на «іти»

білі ромашки білизною світять
на ворожіння зняли пелюстки
з безлічі виборів цілого світу
нам залишиться «стріляти і йти»

5. осінь. жовтий

Бо жовте світло вікон і
кремованого листя запах,
і в голому штукатурстві закид
олистопадений землі.

Бо зимуватиму одна —
не додаватиму до крові
дотриманого до Покрови
ні краплі шлюбного вина.

Хоча красиво: чоловік
несе дочки рюкзак рожевий —
аж поки ангел нас поженить
не закриватиму повік.

6. червоний. різдвяний

Наталі Трикаш

буде пісня і світло і голос дзвінкий
не хвилюйся чи досить
трьох воскових свічок на чотири вінки
і чи стане в них воску

так упевнено легко і швидко плести
із відрізаних стебел
три сліпучих вінки для родини з картин
і червоний — для себе

буде спів завмирати і промінь хисткий
на обітнутих косах
начервоно блищатиме як пелюстки
запечатані воском

0. зима. чорно-білий. категоричний

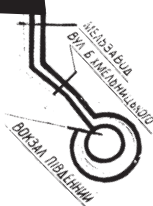
подумки, різко у цій самоті лункій
чорне у біле тягаючи за ногами
я прориваюся в лютий і сотні Лій
б'ють спорожнілі глечики поміж нами

хрипко зі сну проговорюючи шляхи
контурні карти якими блукають люди
я не зіб'юся з подиху бо Рахіль
так, як би я любила, тебе не любить

Александр Опанасенко

2002 Ч. 4

Психология вспять
Превентивные мысли о счастье
Терапия мечтой
Жёлтый дом за решёткой окна

Ширевой передоз
Кто-то в белом, по имени Настя
Я не знаю, кто я
Но уверен, что завтра весна

Переписан диагноз
Январь расстрелял снегирей
Полуночная тишь
Бьют куранты. Считая до ста.

Хирургический стол
Сигареты, коньяк... нет врачей.
Нужно вскрыть этот день
В Рождество. Акушерке Христа.

18.11.2002 г.

TRAM

Червоточина беспощадности
Красной армии путь сквозь тернии
Белой гвардии есть растения
Упиваясь гремучей жадностью

Пентаграммами жечь распятия
Не упасть сквозь холсты духовности
И не пасть на пороге совести
У языческого заклатья

Не архангелы, но искатели
Не купцы, но торгуем золотом
Нас пытали собой и голодом
Приковав к самобранке-скатерти

Не архангелы, но крылатые
Изразцовой бронёй укрытые
В унитазаы законов смытые
И в тисках беспорядков сжатые

На шинелях белеют полосы
Упаковка зашита совестью
Мы на дне социальной полости
Между смертью и нашим голосом.

4–21.09.2003 г.

Алмаз

Так падают звёзды
В пустые пивные кружки
В стеклянное небо
Уходит за взглядом взгляд
Забытые тосты
Забиты в холодный нужник
Под складками крепа
Стекает со свечек яд

Сереющим утром
Мы выпадём первым снегом
Полосьями сани
Вмуруют в дорогу сердца
Мы крещены Куртом,
Травой и холодным обедом
Безумные фаны
В пути от конца до конца

Трепещут осколки
Так больно упасть в отраженья
Своих бесконечных
Холодных пустеющих глаз
Мы камень на полке
Ушедших вперёд поколений
Играющий в вечность
Гранёный судьбою алмаз.

29.02.2001 г.

Забывать

Акварели досохнут завтра,
А сегодня пора вставать
Чашка кофе, глаза и мантра
Не забыть застелить кровать

Сквозь сухие глазницы ветра
Переехать в забытый дом
И семнадцать чудес без света
Совершить, ухмыляясь в нём

И набить непомытых чашек
Вспомнив после, что их лишь две
И соседке, старухе Маше,
Подарить переход в Москве

Написать сто одну картину
Излечить их малярию и рак
Замесить из алмазов глину
И слепить дворовых собак

Акварели досохнут завтра
Чашки купим, всего лишь две
Только мы. И малярия. И мантра.
В переходе. В пустой Москве.

4–5.09.2003 г.

Искушение

Ты мой персональный Иисус,
Я твой закадычный дьявол,
Вся твоя проповедь залита ядом,
Вся моя смерть горьковата на вкус.

Чёрной смородиной вышиты скатерти,
Белые нити развязаны пальцами.
Наша дорога — родиться скитальцами,
Сжечь ваше солнце... А к чёртовой матери!

Ведьма, ворожка, твоё отражение
В зеркале каменном. Огненной птицею,
Фениксом, фенечкой, просто зарницею,
Преданы души каскадному тлению.

Окна за пазуху. Зубы на паперти.
Шум и шуршание кожицы полоза
Сквозь наши губы он яблоком ползает,
В чёрной смородине прячась на скатерти.

Год моей жизни на ваши погибели.
Чёрной звездой свершиться знамение,
Знамя падёт над старинным имением
Мрачной грозой серовато-незыблемой.

И будет падать всё злато с креста,
И купола будут свергнуты пламенем.
Дьявол и Бог — лишь забытое знание,
Чёрная птица на грани моста.

10.08.2003 г.

Никому (ТВО)

Теология вечной осени,
Беспокойный ночной гудок.
Мы на рельсы судьбою брошены,
Словно птицы... меж проводов.

Камикадзе слепого выбора,
Чьё-то время решит за нас.
Откупорены, слиты, выпиты,
Перетоплены в кислый квас.

Теология, география.
С ихней лёгкой и злой руки
Привезёт нам ночная станция
На венчальную ночь венки

Свечи, саван и горстку ладана,
И печальную смесь утра.
Зря мы так увлеклись упадками,
Не заметив — самим пора.

Ждёт перрон одного путника
Сквозь луну пробивая взгляд.
Две планеты, увы, не спутники.
И ржавеет на рельсах яд.

3–4.07.2003 г.

Это

Это пуля в висок
Это нож между строчек
Обезумевший рок
Карма в клетке из точек

Путь хвоста воробья
Меж ползущих трамваев
Точка выхода Я
Из тоннеля у рая

Серебристая нить
Каплей у водопада
Помогает доплыть
До преддверия ада

Отпустить тормоза
До отказа и боли
Это гнев за глаза
Это вкус красной соли

Это перстень с перста
Лорда спящего в склепе
Это тень от куста
На сожжённой планете

Это павший герой
Любит падшую деву
Это крик за рекой
Где задушен Отелло

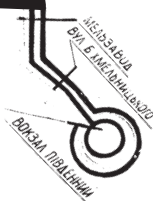
Это пуля в руке
Это палец на спуске
А вокруг миражи
Короли и капуста

27.03.2002 г.

Євгенія Люба

На зупинці

Це, певно, день сліпих дощів —
Коли з суціль ясного неба
Ті раптом падають на тебе
І перехожих без плащів.
І всі тікають під дашок
Якоїсь ближньої зупинки,
І все накуплене на ринку
Складають біля підшов,
І дощ під сонцем, що зійшов
На переповнену зупинку,
На них нагонить на хвилинку
Веселе збудження і шок.

І смішно їм, кумедно їм,
Як дощ занурює свої
Долоні ливневі у ринви
І тягне, тягне звідти линви
Своїх бездонних ручаїв.

Молочник

Продавець молока із оперним голосом
Щонеділі о восьмій ранку
Виконує під вікнами
Одну і ту ж оперну арію:

«Мо-ло-ко! Мо-ло-ко!»

О Боже, яка тут акустика, —
Думає він щоразу:
Три хрущовки літерою «П»,
І четверта — цегляна стіна.

Його високий голос
Піднімається по партеру, досягає балконів,
Ударяє в балконні рами,
Тремтінням скла проникає до квартир,
А там — до грудей напівсонних громадян.

Громадяни неохоче виповзають із ліжок,
Виходять на свої театральні балкони,
І, замість оплесків, позирають униз:

Там оперний співак
У фартуху молочника
Розливає по бідонах
Свій густий білосніжний нектар.

Громадяни дивляться і думають:
О Боже, іще один ранок.
На щастя, — недільний...

У парку

Трикутник парку носом корабля
Врізається у місто, де нависла
Раптова осінь, що незвична для
Міського серпня у двадцятих числах.

У цьому парку із ліхтарних куль
Птахи пірнають прямо до фонтана,
І погляда розморений патруль
Поблажливо на постать наркомана.

Самотня бабця в німбі голубів
Жбурляє хліб своїй пернатій сотні —
Маленький парк в оточенні домів
Притягує голодних і самотніх.

Останній день останнього тепла,
І всім до болю хочеться обману —
Немов до парку осінь не дійшла,
Зіщулена, як постать наркомана.

Графіті

Якось за одну ніч у нас на подвір'ї,
На брудній, найнуднішій стіні у світі
З'явилося... не знаю, як воно вірно —
Графіті чи графіті,
Коротше, химерне плетиво літер,
Червоно-синє, з великим серцем.
Тоді його навіть ніхто не витер,
Воно й не дивно: приємно все це.

Може, це було любовне зізнання,
Чи просто чиєсь божевільне писання,
А, може, у когось було бажання,
Аби у жителів цих хрущоб
Його настінне палке послання
Щодня викликало думку, що:

Слова, які мали бути помічені,
Усе, що кричало, просило свідчення,
Усе, що мало знайти означення,
Мало значення — й не мало значення,
Усе, що гуло, вирувало на дні,
Усе карбувалося тут на стіні
За одну лише ніч.

...Усе це маячить тепер у вікні,
Наче буденна річ.

*Київська траса десь під Полтавою...**С. Жадан*

Зустрічає проїжджих повії поставою
Київська траса десь під Полтавою,
І мелькає за вікнами провінційними лицями
Перевалочний пункт між двома столицями:
Крамниці, Макдональдз, автомобільні ринки,
Автовокзал — десять хвилин зупинки,
Або з фасаду така буденна
Полтава-Київська, Полтава-Південна...

І дивляться з вікон байдужі туристи,
Як зліва за бортом зникає місто,
Що там, за вокзалом, незримо нуртує —
Дзенькаючи посудом, вечерю готує,
Вихлюпується на площі, де неквапливо
З друзями вихідні запиває пивом,
Або після тижня трудового стажу
Повільно сповзається до міського пляжу,
Плаче, сміється, живе, помирає,
Звично уже на горі зустрічає
З єдиної в місті старої альтанки
Найголовніші свої світанки,
Ховає себе за постами, мостами,
І від чужинців виставляє щитами,
Аби вони не проникли далі,
Фасади усіх, які є, вокзалів.

...Треба зачекати, поки трохи смеркне —
Тільки тоді почне вибухати.
Життя — це, власне, нічні феєрверки,
Які заборонені після десятої.

Місяць піднімається вгору і меншає,
Люд сповзається на гулянку до центру,
Брязкаючи стиха дрібною рештою
І міцно тримаючи у долоні по центу.

Бо життя, по суті, — лише лотерея,
І треба бути готовим купити білети,
Бо раптом зустріч — а разом із нею
Усі відповідні приємні моменти.

Бо насправді немає інших тем —
Лиш нові імена і старі фотографії,
Бо насправді життя — це, власне, те,
Про що не пишуть у біографії.

Ю. К.

I

Ця осінь не пробачить нам жодної помилки,
Жодної гри, у якій ми програли.
Осіннє прозріння з упертістю голки
Пронизує парки, алеї, квартали...

І правда проступає — шита жовтою ниткою,
Проступає на осінньому листі, як на папірусі,
Проступає на асфальті калюжною сіткою,
Проступає у тілі хворобами й вірусами.

І я викашлюю правду — з кров'ю, непросто —
Що таки напевно, у тій боротьбі
Моя любов була схожа на вдалу помсту
Самій собі, самій собі...

II

Минуле смішне — наче висохла квітка латаття
У дальній шухляді, під стосами вицвілих фото,
І ми на тих фото, і усмішки наші, і плаття,
Що вийшли із моди, і знов повернулись до моди.

Минуле смішне — наче дотик на вигині литки
У вигляді квітки — і що нам лишилось від нього?
Ну, може, відбитки. На тілі незримі відбитки.
І більше нічого...

Так смішно...

І більше нічого.

* * *

Кожне місто має свій запах і смак.

В Ужгороді восени
Стоїть важкий дух виноградного вина,
Яке бродить за кожним парканом.

Харків має присмак пилу,
Який набивається в рот і ніздрі
Та осідає на чолі,
Наче бойова розмальовка.

Полтава улітку
До одуру пахне липою,
А ближче до мосту на Бірюзова —
Цукерками і смаженим насінням.

І тільки на Жовтневій
Кожної весни так гіркувато пахнуть
Старі каштани примарної алеї,
Що її ніколи уже не буде...

Здається, ніколи,
 ніколи не буде змін,
А буде лиш коло,
 заїжджене коло звички.
Хіба тільки осінь
 уступить тебе зимі,
Та ще на вокзалі
 мелькатимуть електрички.

Вокзал недалеко —
за десять хвилин ходи,
І ти на світанні
або у ясне безвітря
Вслухаєшся, як
видихують поїзди
Із себе гудки,
немов із легень повітря.

І в цьому зітханні,
 крізь товщу прозорих стін,
Вчувається в тиші
 сусіда важке зітхання —
За тим, що ніколи,
 ніколи не буде змін,
А буде звикання,
 немов у пісок вростання.

Він рипне дверима,
 відкриє на кухні кран,
І в руки поллється
 холодна вода прозоріння:
Ти чуєш — пора вже!
 Тобі вже давно пора!
Цей потяг чекає
 лише на твоє хотіння!

Та ранок відійде,
і знову настане день,
І галас буденний
затьмарить вокзальні звуки.
А ти безпорадно
весь день шукатимеш, де б

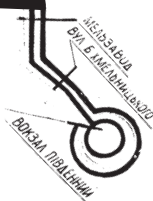
Зігріти холодні,
від чогось заляклі руки.

І будеш уперто
читати слова зі стін,
В надії на те,
що хтось би тобі зітер це —
Що більше ніколи,
ніколи не буде змін!
Хоч їхнє коріння
давно вже пробило серце...

Александр Бессонов

Желуди

пока дубы — желуди,
дубы
должны в земле лежать
а ты,
покуда в людях ты,
в долг сны у них поспать
возьми займы до
ползимы
их скорлупы тюрьму,
чтоб изнутри,
из-под низу,
не видеть на войну.
сумей украсть
для спаленки
пух божественных птиц.
хватая их за коготки
и краешки ресниц

Кочумарь

чей ручей
на чью длань,
на ладонь горевать
чьей слезой течет
чем горчит
ее сок?
то ли на губах засох
чародей-чефир?

чья молчит печать
на моих плечах
и чью тайну чтит
та печать?
чьи лучи
кочевали в чьих
очах и
слезоточили
кочумарь!

кто назначил иначе
быть мне
кто заначил
на черный день?
то ли
Отче наш,
то ли ночи дочь
чумовая тень.

зачерпну ручья
слезы, что горчат
и не отвечают,
Потчуют росток.
напитают сок
вереск и анчар
кочумарь!

* * *

стереги меня
в строгих
острогах
мои секреты
охраняй меня
упаси меня от
кто его знает,
кто его знает
запятнай меня
благодай меня!
хлебом
не бедным
быть нагадай мне.
береги и заberi
и обглодай меня
где-то на небе
на тебе — я
на тебе — я

Девочка на шаре

Девочка на шаре белом,
как что-то там,
где никто никогда не был,
катила дорогами прямо на небо,
оставляя за собой мятый клевер
глупых истин
прошлых жизней

Девочке на шаре ладно было бы
кабы не ухабы и гробы,
кайфы кабы не и не кранты,
кабы не поэты и не менты
кабы не направо, кабы не налево.
а ей на небо надо бы,
надо бы на небо

Девочке на шаре ладно было бы,
она была бы рада
скорее добраться до своего
Эльдорадо.
там — ничего не надо
там ничего такого и нет
Девочка шаром просто катит на свет

* * *

я налью тебе слез за веки
чтоб запомнил меня навеки
чтоб текли эти реки
эти горькие реки.

нарисуй меня как хочешь
натри меня на свои очи
я тебе на память
на сердце камень.

напою тебя приворотным ядом
провожу тебя взглядом
да покуда, пока ты рядом,
а потом, глядишь — и не надо

вспоминай как звали,
стереги вокзалы
знали — не сказали поезда
что не вернусь назад

я насыплю снега
за пазуху и навсегда,
где беда, там и ягода
и снега — на все года

нарисуй меня как хочешь
намажь меня на свои очи
я тебе на память
на сердце камень.

о копыта конь
оплетал ковыль
и пытал у трав,
топотал о пол,
трепетал ветра
храпом до утра,
хлопотал у птах
в смурных сумерках:
«Далеко ль края,
За которыми мне —
не земля?»

поле, да полынь,
луна да туман,
вы теперь не мне
будете капкан
в небыль неба я
о земли края
спотыкнулся зря
оттолкнуться б вон
Да не бывает сон
из которого —
не в полон

заплетал ковыль
следы до утра
поле да полынь
луна да туман
был иль не был я
что теперь края?
чей теперь я сон?
что теперь полон?
неба великан,
за которым мне —
не в капкан

Молочай

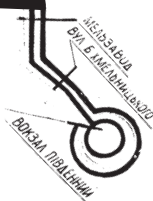
топи свой лед
лунным малахитом,
Пьеро не соврет
звонким хохотом.
окуни себя
черно-бархатным,
будь дымом моим,
мною вдохнутым
 не в своем уме
 будем ночевать.
 завари покрепче
Молочай

разгадав узлы
срезав груз с ногтей
мы сегодня будем
не те!
что тебе не яд,
то тебе не впрок
наливайся проком
цветок
 притворись здоровой,
 отпусти врача,
 завари покрепче
Молочай

Алёна Бессонова

Поликлиника

Вышка под облака

Видно издалека

Знаешь, наверняка

Мы в поликлинике

Налегке

Будем рыбами в огне

Будем птицами на дне

Черепашками во вне

Мутные далеки

Воды твоей реки

Синие светляки

Фантазмагория

Там территория

Амбулатория

Знаешь, наверно та еще

Будет история

* * *

... когда снова придёт Смерть
и не будет ей взять кого
выпадет снег
первый солёный снег
он укроет последний привет
ей от тех, кто уже далеко
и только камни
сомкнут
её нервный смех...

она ляжет на мёртвые пни
сунет пальцы в остывший песок
что кому
до её торжества?
и нанижутся серые дни
узелками на мыльный шнурок
в ожидании
дня
Рождества...

Плот

Сойди ко мне на шаткий плот
Толкнись от берега глазами
Косу, нашедшую на камень
Оставь в песке, и пусть растет

Плывет телега по волнам
Блестят копыта, будто брызги
И проплывают чьи-то жизни
Беззубым ртом навстречу нам

И будет издали видна нам
В стране, где все наоборот
Коса, нашедшая на камень
Не плодоносит, но цветет

Тревога

Набежали люди
Повтыкали иглы
В мокрые подушки
И разошлись...
Плачь в бронежилетку
Ночь сегодня будет
Пятого калибра
Берегись!
Нарезай бумагу
И наклей на окна
Узенько крест-накрест
И сверху вниз
Сон гранатомета
Рядом кто-то дышит
Оглянись, вдруг это
Артиллерист?
Если пуля дура
Виновато дуло
Дунь в него, зажмурься
И отвернись
Прыгай с парашютом
Приземлишься утром
Утро будет мудрым
Такой сюрприз...

Спи моя отрада

Бегу из плена хищных чувств
На теле лопается кожа
Не утомляй меня, прохожий
С моих ресниц стекает грусть
Уж виден свет в моем окне
Уж собрала в моей избушке
Свободы тень моей — старушка
По нитке с миру сказки мне

Не допустили до войны
Солдат не вышел из окопа
Нехожены остались тропы
С ненападавшей стороны
За то, что я так не хочу
Верни мне смерть, отважный воин
Ах полно, я любви не стою
А жалость мне не по плечу

Правда
Капельками яда
Кубиками льда в моем стакане
Откровенными глазами из стекла
Глянец
Стенок усыпальниц
Спи, моя отрада
Все же рада я, что толком ты опять не умерла

Меня простят

Где хранятся ключи от созвездий?
Где зарыта моя золотая река?
Мое счастье в узлах — надо резать
Надо даже рубить, чтобы наверняка

Уходи в монастырь, мое лето
Наступай мне на пятки, мой ржавый апрель
Я пытаюсь уйти от ответа
Я пытаюсь уйти, но куда мне теперь?

А казалось, что рукой подать до неба
А осталось все под номером и на местах
Из побега к моим снам вернусь с победой
Победителей не судят — меня простят

Не сошлись обороты по книге
Не наносишь разбитым корытом воды
Как звенит тишина на безрыбье
Как не видят в упор рыбаков рыбаки

А мне останется придуманный ход
В пунктирной памяти отметить крестом
Кому понравится — ломается лед
И тает снег. А снежный ком не тает

А казалось, что рукой подать до неба
А осталось все под номером и на местах
Из побега к моим снам вернусь с победой
Победителей не судят — меня простят

Стынь моя река

Стынь, стынь моя река
В небе облака

С запада

Кинь, кинь моя рука
Кости на бока

Знаками

Раз — едем в Гондурас
Два — висим как дым

В воздухе

Три — смотрим изнутри
Хитрым и простым

Способом

Разевай меха, божья пазуха!
Уготованы нам до скорого
Спирт, веселящий гриб
Да четыре стороны!
Приз — до звонка и вниз
Все — как уговорено!

* * *

Унылый пейзаж...
Местами небо упало на землю
Нелепы акации
Жмутся в своем посеревшем ажуре
И мокрая женщина
На каблуках, застревающих в грязь,
Одетая не по сезону
И не по фигуре...
Безрадостно глазу...
Похмелье и ломка в мозгах
На петлях контроля
Качается мерная планка
И — падает в воду,
На сине-зеленых волнах
Спускается до водостока,
Ища водопада...

Теперь-то я знаю...

Я мою рану

Я мою рану
На нити рваной
Тону
В узлах
И рву
Еще в семи местах

Ветер не заметил
Эти сети
Время не успело
Раскачать
И не страшный тает страх
На моих губах
Капли каплют невзначай
В молочай

* * *

Я еще не то узнаю
О твоей любви
Если ключ не потеряю
Чтоб в нее войти
Если там найду ступеней
Уводящих вниз
Если избежать сумею
Налетевших птиц
Если у закрытой двери
За которой Суть
Я в углу найду скамейку
Где мне прикорнуть
Где свернуться мне комочком
И уткнуть лицо
Чтобы утром точно-точно
Дернуть за кольцо
Если все я угадаю
Возле тех дверей
Я не то еще узнаю
О любви твоей

Ящерица

Я ящерица я в пещере
Я вижу каждой щели дно
Я молния в холодном теле
Я юркое веретено

Я саламандра Я дракон
Я возлежу на влажном ложе
Я каменный венчаю трон
Дыша узорами на коже

И ты меня, боясь, ищи
И ты меня, найдя, узнаешь
И зелень глаз И сеть морщин
И хвост, когда его теряешь

Там

Там
Где места под солнцем пусты
Там
Где дороги гнутся в мосты
Где
Ночь лежит одна без огня
Где
День приходит без новостей

Там
Где растет трава-мурава
Там
Где течет река глубока
Там
Где стоят леса до небес
Там
Где ветра не ждут лопастей

Кто
Пьет через соломинку дождь?
Кто
Держит облака за хвосты?
Я
Я
Ты
Ты

Приезжай ко мне

Прислони меня
 к крашеной стене
 разыщи меня во мне
Находись со мной
 на одной волне
 умудрись поймать
Сделай так, чтобы мне
 было по себе
 я устала ждать
Вот один точно так же
 упал на снег
 не смогли достать

Приезжай ко мне
 на гнедом коне
 Навещай меня!
В небе звездочки
 в глазках слезочки
 за ними — радуга
Кто-то там исчез
 за рога и в лес
 Ну куда вы
 все?
Сторож начеку —
 не пролезть врагу
 за
 «пожалуйста»

Доктор мне сказал
 что напутала я
 все отделение
Что нельзя кричать
 надо больше спать
 таково лечение
Утешал меня
 словами правильными
 а тем временем
Завязал мне рот
 и всех моих ворон
 сделал стрелянными

Из-за ширмочки
сестричка Ниночка
в драном
халатике
Звякает шприцом
а за моим окном
дорога
скатертью
Тополиный пух
чьи-то мысли вслух
Не мысли —
ребусы...
Навещай меня!
Приезжай ко мне!
На
троллейбуса...

Литературный альманах

Маршруты полтавской поэзии

Составители: Д. Карелин, Ялына

Дизайн: Д. Рябуха

Верстка: Н. Горюн

Корректор: И. Садовникова

